

СМЕШНЫЕ ДЕТЕКТИВЫ

Наталья Александрова

Призрак
фокусника

Наследники Остапа Бендера (Частные
детективы Лола и Леня Маркиз)

Наталья Александрова

Призрак фокусника

«ЭКСМО»

2007

Александрова Н. Н.

Призрак фокусника / Н. Н. Александрова — «Эксмо»,
2007 — (Наследники Остапа Бендера (Частные детективы Лола и
Леня Маркиз))

ISBN 978-5-699-55613-7

Весь Петербург в панике: город наводнили ядовитые змеи! И ладно бы они просто расползлись из вольеров в зоопарке или удрали у какого-нибудь рассеянного любителя экзотики – нет, змей подбрасывают определенным людям. «Змеиное дело» грозит парализовать ужасом всю культурную столицу. Только аферисту Лене Маркизу не до опасных рептилий. У него появились неожиданные конкуренты, разрушающие его репутацию профессионала, способного уладить практически любые проблемы. Причем эти нахалы выдают себя за него самого и за его помощницу Лолу! Пытаясь справиться с собственными неприятностями, Маркиз выходит на след очень странного незнакомца, уверяющего, что и ему угрожает смертью некий Уроборос – повелитель змей... Книга также выходила под названием «Белка в колесе фортуны».

ISBN 978-5-699-55613-7

© Александрова Н. Н., 2007

© Эксмо, 2007

Наталья Александрова

Призрак фокусника

Андрей Иванович скосил глаза на часы. До назначенной встречи оставалось десять минут. Он знал, что на такие встречи не опаздывают, а тут, как назло, попал в пробку. Как всегда в таких ситуациях, у него заныло сердце, тяжело застучало в висках. Нашупав в кармане пузырек с лекарством, он вытряхнул на ладонь шарик, бросил под язык...

Дышать стало легче, боль отступила. Он глубоко вздохнул, откинулся на спинку сиденья.

Между застрявшими в пробке машинами ловко сновали продавцы газет, попрошайки. Мальчишка лет тринадцати остановился возле его «Мазды», выкрикнул:

– Скандальный развод олигарха! Последняя гастроль знаменитого иллюзиониста! В Неве появились пираньи! Покупайте газету «Штопор»!

– Почему «Штопор»? – заинтересовался Андрей Иванович.

– Потому что с ней пробки станут незаметными! – отозвался юный газетчик. – Купи, дяденька! Всего десятка!

Андрей Иванович сунул бойкому мальчишке десятку, бросил газету на сиденье. Не то чтобы его интересовали скандальные слухи, просто в этом предприимчивом подростке он вдруг увидел себя самого – лет тридцать тому назад...

Машины тронулись. Андрей Иванович выжал сцепление, переключил скорость, понемногу прибавил газ и вздохнул свободнее. Еще вполне можно успеть на встречу...

Его внимание привлек какой-то шорох справа на сиденье.

Он скосил глаза...

Рядом с маленькой сумкой-барсеткой тисненой испанской кожи лежала та самая бульварная газетка. Пираньи, олигархи, воротилы шоу-бизнеса – их изображения украшали первую полосу...

Газета шевельнулась.

Что за черт?!

Андрей Иванович на долю секунды зажмурил глаза, хотя и знал, что за рулем нельзя терять внимание. Но если у него начинаются галлюцинации – это еще хуже.

Он бросил взгляд на дорогу и вновь взглянул на чертову газетенку.

Верхний лист чуть заметно приподнялся, и из-под него выскользнула треугольная серая головка с немигающими черными глазами. Узкий раздвоенный язык, плоские ноздри...

Змея приподняла голову и уставилась своими немигающими глазами прямо в глаза человеку.

Сердце его глухо екнуло и провалилось в пропасть, во рту стало горько и сухо, перед глазами поплыла красная пульсирующая мгла. Руки стали ватными, непослушными. Они выпустили руль, и машина, потеряв управление, вильнула и на полной скорости врезалась в фонарный столб. Раздался резкий скрежет рвущегося металла, посыпались стекла, но Андрей Иванович этого уже не слышал. Он скользил куда-то по длинному темному коридору, а впереди маячило ослепительное голубое сияние...

– Отъездился, болезный! – проговорила какая-то сгорбленная старушка, свидетельница аварии, и перекрестилась на купола Никольского собора.

– Садятся за руль пьяные! – подал реплику и мрачный мужчина в зеленой куртке, стоявший у обочины. – Хорошо, только сам разбился, а мог ведь еще кого-то сбить! Вон, прямо ведь на тротуар выскочил! А если бы там был кто-нибудь? Дают права всяким!

Разбитая «Мазда» тонко подвывала, как будто звала на помощь. Мертвый водитель уронил лицо на приборную доску, словно его свалила внезапная усталость. Правая дверца машины от удара распахнулась. Подбежали – тут же – любопытствующие граждане. Ветерок выдул из

двери бульварную газетенку с портретом знаменитой эстрадной звезды в самом непотребном виде. Человек за рулем был мертв, это было ясно с первого взгляда. Больше на сиденье рядом с ним ничего не было.

Есть в Петербурге места, куда нужно приходить в определенное время года, тогда замысел творца города становится особенно очевидным и четким. Например, стрелка Васильевского острова отлично смотрится в ветреный летний день, когда солнце слепит глаза, торопливые белые облака отражаются в Неве – и не понять, облака ли это или барашки на волнах. Когда огонь на Ростральных колоннах стремится в небо, а вода из фонтанов на реке пытается догнать его, хоть и знает, что дело это пустое. И брызги, подгоняемые ветром, летят на берег, отпугивая толпы туристов, пришедших полюбоваться на эту красоту, и достигают подножия колонн, но до огня им никогда не добраться.

Или в сырой зимний день, когда деревья в Михайловском саду покрыты инеем, приятно скользить по обледенелым дорожкам, вспоминая сказки Андерсена, а потом выйти к боковому фасаду Инженерного замка, поглядеть на статуи с шапками снега на головах, привычно поразиться оттенку стен, вспомнив легенду о том, как Павел Первый велел покрасить стены замка под цвет перчаток своей фаворитки.

Можно гулять в Летнем саду, шурша осенними листьями, можно идти вдоль берега Лебяжьей канавки, глядя в темную осеннюю воду, можно дойти до портика Нового Эрмитажа и, улучив минутку, пощекотать ближайшему атланту черную ледяную пятку, не боясь, что он лягнет тебя ногой в ответ.

В такие дни городу прощается все: полугодовая зима, сопровождаемая нудным дождем пополам с мокрым снегом, отвратительное дорожное покрытие, вечно ломающиеся снегоуборочные машины и ужасная привычка городских властей чинить трубы в начале отопительного сезона.

Человек, сидевший в кафе на террасе возле бывшего Никольского рынка, имел все предпосылки к тому, чтобы чувствовать себя счастливым.

Перед ним открывался дивный вид. Стояла середина октября, светило солнце, на синем небе не было ни облачка. С яркостью солнечных лучей соперничали клены Никольского сада, покрытые листьями различных оттенков желтого и красного. Листья падали на землю, медленно кружась, создавая тем самым дополнительный световой эффект. Прямо перед собой посетитель кафе видел пересечение двух каналов – Екатерининского и Крюкова, почти рядом с ними располагались три мостика. Еще четыре моста виднелись в обозримом пространстве, таким образом, не вставая с места и даже почти не вертя головой, можно было видеть все семь мостов.

Солнце отражалось в воде каналов, желтые листья плыли к Фонтанке, а потом, если повезет, и к Неве. Воздух был свеж и по-осеннему прозрачен, и над всем этим великолепием нависал Никольский собор, и больно было глядеть на золотые купола, до того жарко горели они на солнце.

Солнце не попадало на террасу, там было прохладно, и к каждому столику вынесен был специальный электрический обогреватель – нечто похожее на торшер, только сверху лился не свет, а тепло.

Официантка Люся наблюдала за клиентами, сидевшими на террасе, сквозь приоткрытую стеклянную дверь. Было позднее утро, народу немного. Мама с сыном лет семи ели мороженое, немолодая пара пила чай с фруктовыми пирожными, а в углу сидел хорошо одетый мужчина от тридцати пяти до сорока лет и читал газету. Мужчина был симпатичный, пожалуй, даже привлекательный, однако – странное дело! – как только Люся отворачивалась, она тут же забывала его лицо. Люся уже принесла ему чашку кофе и получила в ответ благодарную улыбку,

потому что кофе она варила отлично, это все признавали, а для этого симпатичного мужчины она постаралась особенно, потому что угадала в нем истинного ценителя хорошего кофе.

Люся была девушка неглупая, она старалась планировать свою жизнь, а не безвольно плыть по течению. Работа официантки ее не то чтобы не устраивала, но не обещала никаких перспектив. Время идет, дни за стойкой мелькают быстро, похожие один на другой, так и молодость незаметно пролетит... нельзя останавливаться на достигнутом. Люся решила повысить свой образовательный уровень и поступила на заочное отделение по специальности социальный психолог. Ее самостоятельные работы преподаватели очень хвалили, поскольку Люся всегда приводила множество интересных примеров, беря их из жизни. Никуда далеко ходить не надо – смотри внимательно из-за стойки, как люди себя ведут, и анализируй.

Вот и сейчас Люся наблюдала за симпатичным мужчиной и пыталась определить, кто он такой. Мужчина около сорока лет, одет дорого, но скромно, не выставляет напоказ ни часы золотые, ни одежду фирменную. И по повадкам видно, что человек он небедный. Сидит спокойно, газету читает, но сразу ясно, что он кого-то ждет. Кто он – бизнесмен? Да нет, те вечно заняты, на часы то и дело глядят, по телефону разговаривают, а этот сидит тихо, кофе пьет.

Чиновник? Вроде не похоже, эти у себя в кабинетах все вопросы решают, и никого они не ждут, а самих себя ждать заставляют.

Командированный, из Москвы? Опять не похоже: во-первых, у них место такое, куда командированные редко забредают, они все больше возле вокзала кафе выбирают. А во-вторых, сейчас двенадцатый час, уже все конторы давно открылись, незачем время тянуть...

Можно было бы попробовать определить, кто он такой, по газете, но клиент взял ее тут же, у стойки, это была обычная бесплатная рекламная газета, которая ничего не могла бы сказать Люсе о пристрастиях посетителя.

Люся решила нарушить ею же самой установленные правила – никогда не подходить к посетителю, если тебя не подзывают. Нарочно стуча каблуками, чтобы не подкрадываться и не напугать его, она подошла и спросила:

– Еще кофе? Может быть, пепельницу?

Мужчина не спеша сложил газету и кивнул рассеянно и без улыбки:

– Да-да, еще кофе, пожалуйста.

И, хотя на часы он взглянул незаметно, Люся поняла: тот, кого ждет этот мужчина, уже опаздывает. В том, что свидание – чисто деловое, Люся не сомневалась.

Если бы Леонид Марков, имеющий в специфических кругах благородную кличку Маркиз, не был так озабочен, он бы обязательно обратил внимание на симпатичную официантку. А узнав ее поближе, он несомненно оценил бы ее умение наблюдать и анализировать эти наблюдения. Ведь это был его контингент. Ведь именно его, Лёню Маркиза, величайшего мошенника своего времени, как он сам себя называл, обожали официантки маленьких кафе, медсестры участковой поликлиники, продавщицы канцелярских магазинов и стюардессы внутренних авиарейсов. Надо сказать, что сам Лёня девушек тоже очень любил, с большим удовольствием проводил с ними время, а также умел так все устроить, чтобы они, по мере своих сил и возможностей, помогали ему в его трудной и опасной работе.

Конечно, главной его помощницей, компаньоном и боевой подружкой была Лола – актриса, очень талантливая и привлекательная внешне. Лёня ценил Лолу за ее умение перевоплощаться, за энергию и творческую инициативу. Лола тоже его ценила, но старалась поменьше об этом распространяться, чтобы Лёнька не слишком возгордился. И если бы сейчас Лола была рядом со своим компаньоном, она бы сразу сообразила, что он очень нервничает и волнуется, несмотря на внешне спокойный и уверенный вид.

Такое поведение перед встречей с потенциальным заказчиком – а именно его Лёня ждал на террасе тихого кафе в погожий осенний денек – было для Маркиза совершенно нехарактерным. За время своей плодотворной деятельности на ниве мошенничества Маркиз провер-

нул столько удачных операций, что по праву считал себя лучшим из лучших. Сначала он все свои операции подготавливал сам, долго все обдумывал, выбирал время и место. Постепенно его деятельность стала широко известна в узких специфических кругах, и к нему стали обращаться обеспеченные индивидуумы, которым требовался умный, ловкий и надежный человек для выполнения различных деликатных поручений. Например, вернуть то, что украли, в тех случаях, когда человек не хочет обращаться ни в милицию, ни в криминальные структуры. Или же найти какого-нибудь человека, который долго и успешно скрывается. За чужие дела Лёня брался с оглядкой, а с человеком с «улицы» он и разговаривать бы не стал. Принимал заказы он исключительно по рекомендации. Было у него несколько солидных, приличных людей, сославшись на которых, заказчик мог рассчитывать на сотрудничество Лёни Маркиза.

И все шло прекрасно. Но вот в последнее время Лёню начали преследовать неприятности.

Начать с того, что его верная подруга Лола вдруг решила поехать в свой родной город Черноморск, на юбилей какого-то там родственника. Лола была родом из славного южного города Черноморска, она закончила там среднюю школу, а в театральном училась в Петербурге. Свои родные пенаты она хоть и вспоминала, однако ездила туда нечасто и ненадолго.

Собственно, когда Лолка объявила ему о своих намерениях, Лёня даже немножко обрадовался. Он вовсе не против был отдохнуть от своей темпераментной и капризной подруги целых дня три. Или даже пять. Он прекрасно проведет время вместе с котом Аскольдом и попугаем Перришоном. Он бы взял на себя заботы и о крошечном песике Пу И, но Лола была не в силах расстаться со своим сокровищем даже на такое короткое время. Лола улетела не то чтобы успокоенная, но довольная предстоящей встречей с родственниками.

Два дня Маркиз блаженствовал в тишине и покое под мурлыканье кота Аскольда. На третий день ему понадобилось выйти по делам, а на четвертый он почувствовал, что ему чего-то не хватает. На пятый он уже точно знал, что скучает по Лоле. Ему не хватало ее капризов, ее игры – этого театра одного актера, ему не хватало вечно занятой ванной комнаты и Лолиного сюсюканья над Пу И. Самого песика Лёне тоже очень не хватало.

Выяснилось, что попугаю тоже необходима Лола, потому что только она знала, какие он любит орешки, и иногда прикармливала его ореховой смесью из собственных запасов. Кроме того, с Лолой всегда можно было поговорить, можно было крикнуть что-нибудь ругательное со шкафа, и Лола не обижалась, а Маркиза Перришон все же побаивался.

Кот Аскольд вел себя индифферентно, вроде, он был всем доволен, однако мурлыкал он как-то нерадостно и даже один раз наотрез отказался от еды.

И вот, когда Лёня готовил торжественную встречу – купил Лолин любимый миндальный торт, салат из морепродуктов и собственноручно приготовил шоколадное суфле, – эта негодяйка позвонила из своего Черноморска и прочирикала в трубку, что все прекрасно, юбилей продолжался три дня, но погода стоит дивная, купальный сезон еще не закончился, поэтому ее, Лолу, друзья пригласили погостить у них еще недельку-другую.

Сидя в полном одиночестве перед телевизором и доедая вторую порцию шоколадного суфле, Лёня с грустью думал, что жизнь – отвратительная штука, а Лолка – неблагодарная скотина. Когда нужно – ее никогда нет рядом! И некому утешить его и разделить его одиночество.

Звери в данном случае помочь ему не могли, да и не хотели. Попугай Перришон, которому выдали кусок миндального торта, умудрился выклевать из него все орехи и устроить на полу такое безобразие, что Лёня запер его в кухне до утра. У кота от салата из морепродуктов разболелся живот, и он молча страдал, устроившись на шкафу в Лёниной комнате.

И тут – очень кстати – раздался звонок потенциального заказчика, вернее, заказчицы. Женщина сослалась на одного солидного человека, Лёниного старинного знакомого, и попросила помощи. Лёня безумно обрадовался, поскольку совершенно уже заскучал, и работа была для него в данный момент просто спасением. Женщина оказалась довольно бестолковой, вме-

сто того чтобы сразу же назначить встречу, она стала многословно жаловаться на судьбу, на трудности, на то, что она не хозяйка самой себе и не может располагать собственным временем. Лёня не слишком жаловал заказчиц такого типа, однако сейчас он был согласен на все. Сговорились на том, что женщина позвонит на следующий день и сама выберет место и время встречи.

Однако ни на следующий, ни через день дама не перезвонила. Лёня не очень расстроился, он примерно того и ждал, уж очень несерьезный был у нее голос по телефону.

«Нет так нет», – сказал себе Лёня и решил, что проживет и без Лолы. Он вычистил клетку попугая, а коту купил диск с фильмом про мышей и лягушек. Аскольд любил смотреть такие фильмы.

Еще через три дня, когда Маркиз тихо зверел в обществе своих любимцев, потому что они капризничали и не хотели оставаться в одиночестве, раздался звонок по тому мобильному номеру, по которому могли звонить только потенциальные заказчики. Мужчина, назвавшийся Валентином, сообщил, что ему рекомендовали Маркиза как опытного и неболтливоего человека и что ему нужен такой человек, который не связан с криминалом.

Слегка покривив душой, Лёня заверил его, что никогда не имел дела с криминальными личностями, а также что он – противник всяческого насилия и дела предпочитает делать без шума и стрельбы. Они с заказчиком договорились встретиться на следующий день в суши-баре на втором этаже Владимирского пассажа, однако за час до встречи Валентин позвонил и сухо сообщил, что у него изменились обстоятельства и он вынужден отказаться от встречи.

Лёня аккуратно нажал кнопку отключения и нахмурил брови. Все это ему начинало здорово не нравиться. Конечно, всякое бывает, все мы живые люди, при нашей напряженной жизни обстоятельства меняются часто. Бывали и у Лёни случаи, когда клиент переносил встречу. Переносил, но не отказывался от нее! Такого еще не было никогда. Потому что люди к нему обращались серьезные, и если уж они решились заплатить большие деньги за работу, то больше не колебались в выборе.

И еще одно царапало душу – ведь этот случай произошел сразу же за еще одним таким же. Тогда Лёня не придавал большого значения отказу, подумал, что ему попалась заполошная бестолковая тетка – и такие встречаются среди обеспеченных людей. Но два случая подряд... это заставило бы насторожиться и не такого опытного человека, как Лёня Маркиз.

Однако делать было нечего, и Лёня скрепя сердце постарался выбросить из головы неприятный инцидент. И он погрузился в меланхолию.

Утренний кофе без Лолы пить было совсем неинтересно. Никто не таскал круассаны с тарелки, никто не ворчал и не ругался, что загваздали ванну и истоптали ковер в гостиной. Лолины цветы имели вид бледный, несмотря на то что Лёня их аккуратно поливал. Над фикусом кружились какие-то мошки, китайская роза желтела, как старая дева, а фиалки в который раз объел кот Аскольд, несмотря на то что ему строжайше запрещалось это делать. В довершение всего попугай, неудачно приземлившись, своротил с обеденного стола любимую Лолину вазу для цветов. Ваза разбилась, Лёня долго заметал осколки и в конце концов поранил руку.

Можно было, конечно, позвонить Лоле и сказать, чтобы она приезжала поскорее – они все по ней скучают, даже независимый кот Аскольд. Но Маркиза обуяла типичная мужская гордость. Он решил, что не попросит Лолу вернуться – ни за что и никогда! Пускай валяется там, на черноморском пляже, как рыба камбала, он и словом не даст ей понять, что им тут плохо. Впрочем, Лола не звонила, так что зря Маркиз питал беспочвенные надежды.

Минуло ровно две недели с Лолиного отъезда, и вновь раздался звонок мобильного телефона. На этот раз Лёня разговаривал с заказчиком очень осторожно и внимательно прислушивался. Голос будущего клиента внушал доверие – усталый, немного взволнованный голос немолодого человека – Лёня составил о нем именно такое впечатление. Конечно, будь рядом Лола, она бы сориентировалась гораздо лучше. Она вообще отлично разбиралась в голосах,

особенно женских – могла после обычного телефонного разговора точно определить, сколько женщине лет, замужем ли она, а если нет – есть ли кто у нее на примете, собирается ли она в ближайшем будущем сесть на диету и даже какого цвета дама предпочитает нижнее белье.

«Но что толку вспоминать о Лоле, когда ее рядом нет?» – рассердился Маркиз. Так что на этот раз придется ему обходиться собственными силами.

Звонивший представился Андреем Ивановичем, сказал, что вот уже почти месяц его беспокоят некоторые странности, что он должен разобраться во всем этом, причем немедленно, поскольку у него мало времени. Условились встретиться на следующее утро, в половине двенадцатого, на террасе вот этого кафе, возле бывшего Никольского рынка. И вот он, Лёня Маркиз, пришел заранее, а заказчик опаздывает уже на десять минут! Само по себе это еще ничего не значит, однако, учитывая предыдущие случаи... У Лёни было беспокойно на сердце.

Официантка Люся принесла еще кофе, посетитель поблагодарил ее без улыбки. Люся видела, что он нервничает. Вот мужчина вновь взглянул на часы, потом завертел головой по сторонам, отхлебнул слишком большой глоток кофе, закашлялся...

«Продинамили, – подумала Люся, – а жаль! Такой симпатичный мужчина...»

Прошло уже двадцать минут, а Лёня никогда не ждал больше пятнадцати. Откровенно говоря, в продолжение всей его деятельности никто не опаздывал к нему на встречу больше чем на десять минут. И то по не зависящим от заказчика причинам – пробки, снегопад, гололед...

Пора уходить, понял Лёня, но это уже серьезно. Заказчики три раза звонили, но ни один не пришел на встречу – это не просто серьезно, это уже пахнет крупными неприятностями! Неужели его профессиональной репутации нанесен урон? Неужели кто-то из прежних заказчиков распространяет о нем порочащие слухи? Этого не может быть, он, Лёня Маркиз, всегда четко выполнял взятые им на себя обязательства, и заказчики были им довольны.

«Необходимо срочно выяснить, в чем тут дело, – думал Лёня, подзывая официантку, – ни о каком совпадении не может быть и речи. Один случай, ну, два, но уж три... Такого не бывает».

Он решил сосредоточиться пока на дороге, а дома обдумать все хорошенько.

Открыв дверь своим ключом – потому что кот Аскольд, возможно, и умел отпирать замок, но Лёня никогда не просил его это делать, чтобы кот не приучился и не впустил ненароком в дом посторонних, – Маркиз увидел на полу в прихожей два чемодана. Сердце его забилося от радости: Лолка приехала!

Из глубины квартиры раздавались визг Пу И и хриплый хохот попугая, а также Лолин голос. Она говорила по телефону. Лёня поглядел на себя в зеркало и стер с лица неуместно счастливое выражение. Нечего баловать Лолу, пусть знает, что они тут прекрасно обходились без нее.

– Привет! – сказал он, входя в гостиную.

Лола сидела на диване с котом на коленях, попугай примостился рядом, на спинке дивана, заглядывал ей в лицо и ворковал, как влюбленный голубь. Одной рукой Лола гладила кота, причем он блаженно жмурился, в другой держала трубку телефона.

– Ну пока, пока! – щебетала она. – У меня дел полно, только приехала, я тебе после позвоню! Привет! – сказала она, поглядев на Лёню, и тут же вновь переключилась на зверей: – Мои дорогие! Похудели-то как, побледнели! Перренька половину перьев потерял, ну, ничего, мама всех отмоет, накормит, будете у меня как огурчики!

Кот сполз на диван и разлегся, подставив Лоле пушистое пузо, что он делал крайне редко – даже Маркиз не часто удостаивался такой милости. И, хоть голова его в данный момент была занята свалившимися на нее, эту голову, неприятностями, все же в сердце неприятно кольнуло из-за такого поведения его собственного кота. Да и попугай тоже вел себе предательски.

Сколько Лёня с ним возился, читал ему интересные книги вслух, разрешал смотреть телевизор, кормил разными вкусностями – и вот, никакой благодарности!

Лола встала с дивана и прошлась по комнате. Она загорела, чуть поправилась, глаза ее сияли, волосы вились колечками сами по себе, без всякой укладки. Словом, Лола выглядела отдохнувшей, посвежевшей и очень хорошенькой.

Однако чело ее тут же омрачилось, когда она подошла к комнатным цветам.

– Что это?! – возопила она. – Что с фикусом?! Мошки?! И роза вся пожелтела, листья роняет... Что ты с ними сделал?!

– Слушай, ты велела их поливать – я поливал! – Лёня тоже повысил голос. – Каждый день, между прочим!

– Каждый день?! – простонала Лола. – В это время года?! Да ты же их залил!

– Может, и фиалки тоже я объел? – буркнул Лёня, не будучи в силах смотреть на нежности, которые расточал Лоле его личный кот.

– Ты не покупал Аскольдику витаминов, не проращивал ему свежую травку, а кот не может без зелени! – парировала Лола. – Боже, за что мне все это?

Она прижала руку к сердцу, закатила глаза к потолку и беззвучно зашевелила губами, как кающаяся Мария Магдалина в Эрмитаже.

Маркиз обиделся и сел в кресло. И тут же руку ему лизнули крошечным теплым язычком, и кто-то прижался к нему пушистым бочком.

– Пу И, дружище! – Лёня подхватил песика на руки. – Как же я рад тебя видеть!

Песик радостно повизгивал, и это несколько примирило Маркиза с жизнью.

– Почему это ты не позвонила? – спросил Лёня, убедившись, что его компаньонка не собирается бросаться ему на шею. – Я бы встретил тебя в аэропорту.

– Ты не представляешь! – Лола даже забыла о цветах. – Когда мы летели в Черноморск, Пу И было так плохо в самолете! Вообще самолет оказался ужасный, тесный и неудобный, к тому же все время его так трясло – я думала, что мы развалимся в воздухе! Потом что-то у них сломалось, даже хотели произвести аварийную посадку, но как-то дотянули. В общем, Пу И отказался обратно лететь, и пришлось нам ехать поездом, чуть ли не двое суток! Я ужасно устала, и Пу И тоже!

Песик тут же закатил глаза и упал Лёне на руки без сил.

– А на вокзале мы взяли такси, чтобы тебя не беспокоить! – страдальческим голосом продолжала Лола. – Мало ли какие у тебя могут быть дела...

– Угу, – согласился Лёня, – это ты верно заметила.

– Да уж я вижу! – тут же завелась Лола. – Квартира в ужасном состоянии, холодильник пустой, звери заброшены, о цветах я вообще не говорю! Чем ты занимался две недели? Небось, развлекался с какой-нибудь блондинкой?

– И с блондинкой, и с брюнеткой, – невозмутимо подтвердил Лёня, – и еще, у меня была такая рыжая... с зелеными глазами... Ух, я тебе доложу, женщина! Тайфун! Цунами!

Как известно, беспокоиться в таких случаях нужно, когда мужчина все отрицает. Если же он не волнуется, не мечется по квартире, прижимая руки к сердцу, не клянется самым дорогим, что у него есть, не призывает в свидетели своей невиновности Бога и всех святых, стало быть, насчет женщин можно не волноваться. Это вовсе не значит, что совесть у него чиста и что за время отсутствия своей дражайшей половины он не совершил ничего предосудительного. Он мог, например, проиграть всю зарплату в казино или в преферанс. Он мог сломать стиральную машину или потерять новый кожаный портфель, который жена подарила ему на прошлый день рождения.

Лола приходилась Маркизу не женой, а боевой подругой, соратницей и компаньонкой. И еще сожительницей – в прямом смысле этого слова. Они жили в одной квартире, и, конечно,

поломка бытовой техники вывела бы ее из себя, но ненадолго. Все можно починить или купить новое.

Несмотря на то что в свое время компаньоны договорились не покушаться на личную свободу друг друга, Лола воспринимала похождения своего ветреного приятеля неадекватно.

Сейчас она испытующе поглядела на него и поняла, что девицами тут и не пахнет. Однако вид у Лёньки был озабоченный. Чем же он занимался эти две недели?

– Случилось что-нибудь? – спросила она мимоходом.

– Да нет, ничего, – так же легко ответил Лёня.

И Лола тотчас уверилась, что да, случилось. Можно было, конечно, прижать Маркиза к стенке, спровоцировать его на скандал, а там уж, в пылу ссоры, Лёнька все и выложил бы как миленький. Однако она действительно устала в дороге, в душном поезде, на жесткой полке. Совершенно нет сил скандалить...

«Это подождет, – решила Лола, – сначала нужно себя в порядок привести».

Лёня о чем-то напряженно думал, машинально почесывая песика за ушами. Пу И сидел тихо.

– Я пойду, пожалуй, с Пу И погуляю, – сказал Маркиз, приняв решение навестить человека, по чьей рекомендации приходили в нему двое первых клиентов.

Человек этот был немолод. Лёня прекрасно знал все его привычки.

– Делай что хочешь! – равнодушно сказала Лола, решив попробовать в Лёнино отсутствие добиться нужных сведений от попугая.

Она скрылась в ванной комнате и не заметила, в каком виде ее компаньон вышел из дома.

Двадцать-тридцать лет тому назад стоило на афишной тумбе в любом городе Советского Союза появиться имени Артура Руо, как перед театральными кассами выстраивались километровые очереди.

На его афишах не нужно было писать ничего, кроме имени. Это имя знал каждый, от одесского мальчишки до дагестанского пастуха и от сельской учительницы до криворожского металлурга.

Как сейчас говорят, Артур Руо – это был бренд.

Это был самый знаменитый иллюзионист страны.

Сейчас газеты пестрят объявлениями всяческих потомственных колдунов, знахарей и ведьм. Но практически ни для кого не секрет, что все они – обычные мошенники, и мама «потомственной колдуньи» работала паспортисткой в жилконторе, а дедушка знахаря прибивал набойки в будке холодного сапожника или, хуже того, читал курс исторического материализма в сельскохозяйственном институте.

Артур Руо действительно был потомственным волшебником. Потому что волшебство – это не что иное, как иллюзия. И потому что его отец занимался тем же искусством благородного обмана, заставляя тысячи послевоенных мальчишек забывать о голоде и нищете и наблюдать за чудесами, которые творил на арене цирка черноглазый фокусник.

Правда, сам Альберт Руо, основатель цирковой династии, так же как и его сын и наследник Артур, не любил, когда его называли фокусником.

– Фокусник – это директор магазина, делающий состояние на усушке и утруске товара! – говаривал старый Альберт. – Или директор завода, делающий галоши из воздуха и выполняющий план на сто семь процентов. А в цирке есть две уважаемые профессии – иллюзионисты и prestidigitators.

Лёня Маркиз – согласно классификации цирковых специальностей был prestidigitatorом, то есть зарабатывал деньги ловкостью рук. Карточные фокусы, исчезающие шарики и, наоборот, появляющиеся из шляпы кролики. Кроме того, при необходимости он мог быть жонглером, а иногда даже ходил по канату. Старшего Руо, основателя династии, он уже не

застал, но с Артуром, Великим Магом и Чародеем, членом Мальтийской академии колдовства, Великим Магистром всемирного ордена чародеев, он неоднократно сталкивался в гастрольных поездках. Несмотря на большую разницу в возрасте, они прониклись друг к другу взаимной симпатией. Знаменитый мастер делился с молодым дарованием некоторыми секретами мастерства и рассказывал занятные истории из своей обширной практики. Рассказал он, между прочим, и о происхождении фамилии Руо. Когда основатель династии подыскивал себе артистический псевдоним (потому что с его собственной фамилией – Кабанов – нечего было и пытаться выходить на арену), он случайно проходил мимо пивной на знаменитом Лиговском проспекте. Пивная называлась «Руно», но буква «Н» на вывеске отвалилась, и в результате получилось красивое и загадочное слово «Руо», которое и стало новой фамилией знаменитого циркового артиста.

Когда Лёня сменил профессию, Артур Альбертович несколько его не осудил и время от времени охотно рекомендовал Маркиза своим многочисленным знакомым.

Сам он уже не выступал, уйдя на заслуженный отдых, и только иногда давал небольшое представление для узкого круга любителей. Или просто немножко колдовал для себя, как старушка из сказки «Снежная королева».

Солнечным осенним утром Артур Альбертович Руо шел по улице вместе со своим королевским пуделем, Ованесом. Черный пудель горделиво вышагивал впереди хозяина, время от времени отклоняясь от маршрута, чтобы обследовать какой-нибудь интересный столб или просто угол дома. В таких случаях Артур Альбертович легонько дергал за поводок и укоризненно произносил:

– Ованес, не унижайся!

Впереди показался пожилой мужчина в форме контр-адмирала. Бравый моряк вел на поводке крошечное создание, которое только человек с сильно развитым воображением мог бы назвать собакой.

Создание было крошечным песиком породы чихуахуа, и оно бойко семенило по тротуару, с интересом оглядываясь по сторонам.

Увидев впереди Ованеса, чихуахуа прибавил шагу, гордо вскинул голову и тявкнул, как настоящая собака. Ованес на мгновение замедлил шаг и огляделся, пытаясь понять, откуда донесся этот лай. Разглядев на тротуаре перед собой что-то мелкое, но, несомненно, живое, он вновь двинулся вперед, чтобы изучить это явление природы более внимательно. Приблизившись к маленькому четвероногому существу, пудель слегка наклонился и вопросительно зарычал. По-видимому, он спрашивал у незнакомца:

– Ты кто – хорек или ангорская крыса?

Чихуахуа, оскорбленный до глубины души, ответил грозным рычанием, несомненно, означавшим:

– А вот подойди поближе, и сразу поймешь, кто я такой!

Ованес растерянно оглянулся на хозяина и немного попятился. Не от испуга, конечно, а от вполне понятного удивления. Чихуахуа, наоборот, бросился вперед. Однако, оказавшись в непосредственной близости от пуделя, он подскочил на всех четырех лапах, громко тявкнул и сделал обманный маневр, то есть попытался обойти противника сбоку. Ованес, в свою очередь, согнул передние лапы, припал к земле и начал красться навстречу этому странному противнику. При этом поводки пуделя и чихуахуа переплелись, лишив обоих собак свободы маневра.

– Извините, – обратился Артур Альбертович к адмиралу. – Кажется, ваше животное в серьезной опасности! Может быть, вы возьмете его на руки... от греха, так сказать!

– Нет, что вы, – возразил тот. – Вы не знаете чихуахуа. Они подвижны и агрессивны, как настоящие бойцовые собаки!

Словно в подтверждение его слов, крошечный песик ловко прыгнул вперед и куснул пуделя за нос.

Ованес изумленно попятился и жалобно заскулил: он не ожидал от своего мелкого противника такой прыти. Оглянувшись на хозяина, он пролаял что-то вроде:

– Не могу же я в полную силу драться с таким маленьким существом! Я ему просто поддаюсь!

Тем временем чихуахуа снова забежал сбоку. Пудель, опасаясь очередного подвоха с его стороны, поспешно развернулся, при этом поводок опутал его правую переднюю лапу, и Ованес захромал на трех ногах, беспомощно озираясь по сторонам.

Бросив на хозяина виноватый взгляд, он как будто сказал ему:

– Ты же понимаешь, он ведет нечестную игру! Иначе я ни за что ему не уступил бы!

– Ваш пес ведет нечестную игру! – возмущенно повторил Артур Альбертович за своим пуделем. – Порядочные собаки так не поступают!

– Да что вы говорите? – удивленно протянул адмирал. – Кажется, только что вы беспокоились за моего пса... кстати, это, случайно, не вы только что уронили?

С этими словами он протянул отставному артисту золотой портсигар с выгравированной на крышке монограммой АР, что могло значить как Артур Руо, так и Альберт Руо.

– Да, это мой портсигар... – недоуменно ответил Артур Альбертович, вглядываясь в лицо хозяина чихуахуа. – Однако... вряд ли я его уронил... простите, мы с вами никогда раньше не встречались?

– Не уверен, – адмирал слегка прищурился, разглядывая своего собеседника. – Вы не бывали в Находке? Вам не приходилось плавать по Северному морскому пути?

– Вот как раз в Находке я не бывал, – отозвался артист. – И Крайний Север для меня вреден... А это, извините, не ваше? – и в его руке появилась красная книжечка с надписью «удостоверение». Артур Альбертович раскрыл книжечку и прочел: – «Капитан Несгибайло»... да, это не ваше... наверное, кто-то раньше его обронил...

– Ваше мастерство по-прежнему вызывает восхищение! – воскликнул «адмирал». – Позвольте выразить свой неизменный респект! – И он, ловким жестом выхватив откуда-то из-за спины старого артиста пышный букет хризантем, вручил его Артуру Альбертовичу.

– Я же чувствовал, что мы знакомы! – усмехнулся тот. – Правда, я все еще не узнаю вас... Ашот Мирзоян? Алексей Перелли?

– Не узнаете? Богатым буду! – рассмеялся «моряк».

– Боже мой! Леонид! – Артист обнял «адмирала» за плечи. – Немудрено, что я не узнал вас в этом гриме!

Снизу донесся жалобный вой: несчастный Ованес совершенно запутался в поводке, а нахальный чихуахуа выплясывал вокруг него, издевательски таякая.

– Пу И, паршивец, нельзя так себя вести! – приструнил Лёня своего любимца. Он наклонился, распутал поводок и взял чихуахуа на руки. Ованес перевел дыхание и спрятался за спину хозяина.

– Давайте присядем где-нибудь, – предложил Лёня, оглядываясь по сторонам. – Я хотел бы с вами поговорить.

Неподалеку обнаружилась вполне уютная кофейня. Официантка с некоторым сомнением взглянула на собак, но солидный вид посетителей, в особенности адмиральская форма одного из них, произвели на нее впечатление, и она ничего не сказала.

Впрочем, Ованес был воспитанным пуделем и сразу же улегся под столом, не привлекая к себе внимания, а Пу И свернулся в клубочек на свободном стуле, надеясь, что ему перепадет порция любимого орехового печенья.

– Итак, – проговорил Артур Альбертович, когда официантка принесла кофе для них и ореховую трубочку для Пу И. – Надеюсь, ваши дела обстоят благополучно? В последнее время я направлял к вам нескольких клиентов... кажется, они вполне удовлетворены...

– Удовлетворены? – переспросил Маркиз. – Это особенно интересно! Дело в том, что они до меня не дошли.

– То есть как – не дошли? – Артур Альбертович поставил чашку и уставился на Лёню, склонив голову к плечу. – Что вы хотите сказать?

– Только то, что сказал. Они звонили мне, договаривались о встрече... и пропадали. То есть не приходили в назначенное время.

– Очень странно... – задумчиво проговорил Руо.

Он хотел еще что-то добавить, но в это время к столику подошла официантка.

– Принести вам что-нибудь еще? – осведомилась она.

– Спасибо, – улыбнулся «адмирал».

Пу И очень выразительно взглянул на девушку. Этим взглядом он пытался сказать ей, что с удовольствием заказал бы еще одну ореховую трубочку, но хозяин, этот тиран и деспот, вряд ли позволит...

– Пу И, обжора! – прикрикнул на него хозяин. – Прекрати попрошайничать, ты и так уже сожрал двойную норму печенья! Что скажет Лола, увидев твой живот? Она больше никуда не отпустит тебя со мной!

Официантка, услышав про какую-то Лолу, заметно поскучилась и вернулась за стойку.

Пу И тоже расстроился, но ненадолго. Воровато оглянувшись на хозяина, он незаметно соскользнул на пол. Через минуту он вернулся на свое место с самым невинным видом. Этот вид насторожил бы Маркиза, если бы он не был в этот момент озабочен более серьезными вещами.

– Я должен выяснить, что произошло с заказчиками, – сказал он Артуру Альбертовичу, проводив официантку рассеянным взглядом. – Понимаю, что наводить справки о заказчиках неэтично, но я чувствую угрозу всему своему бизнесу и не могу ждать, опустив руки.

Руо на какое-то время задумался. Наконец он, видимо, принял решение и достал из кармана листок бумаги.

Он сложил этот листок вдвое, потом вчетверо, разгладил его легким движением руки, щелкнул пальцами... и в его руке возникла белая гвоздика. Лёня зааплодировал:

– Вижу, что вы не утратили мастерства! Старая гвардия не сдастся!

– Это так, мелочь, чтобы руки не потеряли навыка, – скромно проговорил Руо, бросив гвоздику на стол. – Итак, началось это примерно месяц тому назад. Один старинный знакомый пригласил меня на корпоративную вечеринку. Некая фирма, связанная с шоу-бизнесом, отмечала десятилетний юбилей... ну, и меня позвали, как я полагаю, для антуража. Как антикварный предмет обстановки...

Артур Альбертович прогуливался среди гостей. Он был старомодно элегантен – черный смокинг, галстук-бабочка, золотые запонки в белоснежных манжетах. Публика попала не слишком интересная, и он от скуки отрабатывал простенькие фокусы: превращал белое вино в красное, а шампанское «Князь Голицын» в «Дом Периньон» 1985 года. Толстый господин в лиловом пиджаке протянул руку к бутерброду с черной икрой, но икра вдруг непостижимым образом стала красной. Толстяк изумленно моргнул и попятился. На красную икру у него была врожденная аллергия. Артур Альбертович поддержал его под локоток и спросил – не нужна ли помощь? Толстяк пробормотал что-то невразумительное и скрылся в толпе. Старый иллюзионист пожал плечами и взмахнул платком, вернув икре первоначальный цвет.

И тут к нему подошла знакомая женщина.

Не то чтобы они были близко знакомы, но несколько раз встречались: когда-то эта дама была замужем за двоюродным племянником Артура Альбертовича. Правда, года два тому

назад они разошлись, племянник женился на другой, и его бывшая тоже, по слухам, вышла замуж...

– Артур Альбертович! – заворковала она, восторженно закатывая глаза. – Как удачно, что я вас встретила! Только вы можете мне помочь!

– Чем может вам помочь старый цирковой артист? – Руо взмахнул в воздухе рукой, в которой тут же возник бокал шампанского, и протянул этот бокал своей собеседнице.

– Вы волшебник! – воскликнула та, пригубив напиток. – Вы настоящий волшебник!

– Ну какой же я волшебник! – скромно улыбнулся Руо. – Настоящие волшебники – это те, кто качает золото из ржавой трубы или превращает воздух в наличные на фондовой бирже... а я – так, скромный иллюзионист на пенсии.

– Не скромничайте! – перебила его дама. – Вы – волшебник, это всем известно! А мне может помочь только волшебник...

– Неужели вам нужна контрамарка на концерт Дэвида Коперфилда? – предположил Артур Альбертович. – Конечно, я могу попробовать, но ничего не гарантирую. Я уже так давно не пробовал своих сил в практической магии...

– Да нет! – отмахнулась бывшая родственница. – Не нужны мне никакие контрамарки! У меня вопрос чисто практический, хотя и очень сложный, и нужен человек, способный в нем разобраться... для меня это чрезвычайно важно, и я готова оплатить услуги лучшего специалиста... вы меня понимаете...

– Пока, признаюсь, не вполне!

– Ну... вопрос такой деликатный... здесь не слишком подходящее место, чересчур много людей... – и она огляделась по сторонам.

– И тут я вспомнил о вас, Лёня, – проговорил Руо, неуловимым движением коснувшись гвоздики, и она из белой вдруг сделалась розовой. – Деликатные вопросы – это по вашей части. Я дал ей ваш телефон... Конечно, я не знал, в чем заключаются ее трудности, и сейчас не знаю, но это и к лучшему: чем меньше людей в курсе, тем меньше проблем...

– Это верно, – согласился Маркиз.

– Как я понял, она с вами связалась?

– Позвонила... – протянул Лёня. – Говорила многословно и неконкретно, обещала перезвонить на следующий день, но так и не сделала этого. Я не придавал этому большого значения, поскольку у меня сложилось о ней не самое серьезное впечатление, и если бы не следующие эпизоды...

– Странно... – пробормотал Руо, – через несколько дней я позвонил ей, спросил, все ли в порядке, и она поблагодарила меня, сказала, что связалась с моим знакомым и очень довольна...

– Очень странно...

Второй клиент встретился с Артуром Альбертовичем на прогулке. Звали его Валентином, когда-то давно он был цирковым администратором, потом ушел в свободное плавание среди бурь и рифов отечественного бизнеса. Встреча с Руо явно была не случайной, Валентин наверняка навел справки об иллюзионисте и поджидал его.

На этот раз разговор был коротким и конкретным, никаких слов о волшебстве, никаких пустых комплиментов.

Валентин прямо сказал, что ему нужен ловкий и опытный человек, способный разрулить сложную ситуацию без криминала и применения силовых методов.

– Я знаю, что у вас есть такой человек! – в голосе Валентина звучала серьезная озабоченность.

– И я снова вспомнил о вас! – проговорил Руо. – Валентин – человек обязательный, надежный, обеспеченный, и я решил, что вам не мешает лишний заказ...

– Безусловно... – согласился Маркиз. – И ваш знакомый действительно обратился ко мне. На этот раз все было достаточно серьезно, мы договорились о встрече... в одном суши-баре, но всего за час до назначенного времени Валентин перезвонил и сказал, что обстоятельства у него изменились и он больше не нуждается в моих услугах...

– Очень странно! – проговорил Артур Альбертович. – Через несколько дней после нашей встречи Валентин сам позвонил мне и сказал, что все в порядке и он весьма признателен мне за помощь...

– Непонятно! – Маркиз допил кофе и задумчиво уставился в пустую чашку, как будто собирался гадать на кофейной гуще. – Совершенно непонятно, а все, что непонятно, внушает мне опасения. Если бы это был единственный раз, можно было бы списать его на чистую случайность, но два – это уже закономерность...

Он решил не говорить Артуру Альбертовичу о третьем пропавшем заказчике, поскольку тот пришел по другому каналу, а лишняя информация может быть вредна и опасна.

– Вот что я подумал! – проговорил Лёня после длинной паузы. – Давайте-ка поставим эксперимент. К вам подойдет еще один потенциальный заказчик... точнее, заказчица, и попросит свести ее с ловким человеком... то есть со мной. – Он скромно потупился. – Дальше вы все сделаете в точности, как в два предыдущих раза. То есть дадите ей мой телефон... разница будет только в том, что весь процесс пройдет под контролем. Заказчица будет моим человеком, и мы узнаем от нее, откуда и каким образом происходит утечка.

– Ну что ж, – кивнул Руо, – неплохая идея. Как раз послезавтра меня пригласили на презентацию нового ресторана и ночного клуба. Называется он «Арабские ночи» и выдержан соответственно в восточном духе. И меня попросили сыграть роль этакого мавританского чародея.

– Значит, вы еще не ушли на покой?

– Ну, меня очень попросили... – смущенно проговорил Руо. – И самому, знаете ли, хочется проверить, на что еще я способен... да и неплохая прибавка к пенсии, знаете ли...

– Ну что ж, значит, там к вам и подойдет заказчица!

– Ей, наверное, понадобится приглашение?

– Ну, этим я сам займусь. Не нужно, чтобы кто-то отследил вашу связь со мной. Все должно выглядеть естественно. Или хотя бы правдоподобно. И сейчас нам с вами лучше распрощаться.

Маркиз расплатился и встал, подхватив Пу И под мышку.

Артур Альбертович тоже поднялся, шагнул к порогу и позвал пуделя:

– Ованес, домой!

Пудель, который до этого дремал под столом, вскочил и бросился следом за хозяином. Неожиданно раздался оглушительный грохот, один из стульев упал на кафельный пол и со страшным шумом поехал следом за пуделем. Ованес ужасно испугался и рванулся к двери с удвоенной скоростью, отчего стул загремел, как пустой мусорный контейнер.

– Ованес, в чем дело?! – всполошился Руо. – Что ты себе позволяешь?!

Он наклонился и разглядел, что стул непостижимым образом оказался привязан к поводку пуделя.

Старый фокусник попытался поймать Ованеса и отцепить веревку или поводок – чем там его привязали, вконец перепуганный пудель не давался и пытался выскочить из кафе вместе со стулом, официантка, добавляя паники, визжала и клялась, что больше никогда не пустит посетителей с собаками, и только Пу И сидел на руках у своего хозяина с совершенно невинным видом, как будто его все происходящее совершенно не касалось.

– Вот ведь бывают воспитанные собаки! – причитала официантка, глядя на чихуахуа. – Небось ваша никогда бы такого не устроила!

– Вы думаете? – с насмешкой взглянул на нее «адмирал». – Пу И, негодник, признавайся – твоих лап дело?

Пу И состроил еще более невинную мордочку и твякнул, что можно было перевести таким образом:

– Ни за что не признаюсь!

Лёня помог Артуру Альбертовичу изловить Ованеса и освободить его от «прицепа», поставил стул на место и сунул в кармашек официантке еще одну купюру – за моральный ущерб.

Проводив симпатичного моряка задумчивым взглядом, официантка подумала, что все-таки будет и дальше пускать посетителей с собаками.

Лола прекрасно провела время в ванне, наполненной душистой лавандовой пеной – ей нужно было расслабиться, а когда она выползла из ванной, то очень удивилась, не найдя дома ни Лёни, ни Пу И.

Вот интересно, куда они пошли? Вряд ли только на прогулку, наверняка, Лёнька повел песика в кафе. А это неправильно, потому что в кафе Пу И должна водить только сама Лола! Лола надевает на песика красивый костюм, свой гардероб она тоже выбирает очень тщательно и устраивает в дорогом кафе целое представление, называемое «Дама с собачкой». Пу И подыгрывает ей по мере сил. В таком походе есть смысл. А Лёнька претя в первую попавшуюся забегаловку, закармливает там собаку пирожными, прекрасно зная, что ветеринар запретил ему есть сладкое. И никому от этого ни жарко ни холодно, только у Пу И будет болеть живот и придется ей возиться с ним целый вечер.

Тут Лола вспомнила, какой серьезный и озабоченный был вид у ее компаньона, и пожалела, что говорила с ним так неласково. В конце концов, ничего не случилось, звери не заболели, цветы вот, конечно, привяли немного... Но это дело поправимое.

Попугай сидел на буфете, склонив голову набок, и глядел на нее хитрым глазом.

– Перришон, – строго сказала Лола, – расскажи мне, что у вас произошло.

– Др-рама! – охотно ответил попугай, – Тр-рагедия!

– Вот как? – Лола подняла брови. – И в чем же она заключается?

– Мар-ркиз гр-рустит! В минор-ре! – проорал попугай.

Лола почувствовала угрызения совести.

– Тр-резвонит! Дур-ра! – разглагольствовал попугай.

– Кто-то ему звонил? – догадалась Лола. – Какая-то женщина? Зачем?

– Зр-ря, все зр-ря! – ответил Перришон. – Кр-ретинка!

Лола поняла, что Маркиз не поддался на соблазны некой неизвестной женщины. Чем же тогда он так озабочен?

В это время кот, разнежившийся на диване, вспомнил о своих непосредственных обязанностях и стремглав понесся к двери. Зашумел лифт, и вот уже Лёня с Пу И стоят на пороге. Лола с запозданием вспомнила, что мужчин нужно кормить, а она и не удосужилась заглянуть в холодильник. Но Маркиз, осторожно ступая, прошел в кухню и поставил на стол два больших пакета с едой. Уже догадываясь, что это значит, Лола подавила тяжелый вздох.

– Пришла в себя? – весело спросил Лёня. – Вообще, выглядишь после поездки ты отлично! Вот что, Лолка: есть тут для тебя небольшая работенка...

Лола поглядела ему в глаза и решила не спорить.

Маркиз выбрал еду по своему вкусу – жареные свиные ребрышки и очень много печеной картошки. Лола сморщила нос и отвернулась, чтобы не нарываться на скандал, острую свинину

она терпеть не могла, кроме того, все эти холестериновые продукты считала вредными для здоровья и для фигуры.

К чаю она достала на выбор три банки замечательного теткиного варенья – айвовое, абрикосовое и варенье из грецких орехов. Лёня перепробовал все и остановился на абрикосовом, попугаю же понравилось из грецких орехов.

Чай был очень горячий, красно-коричневый и ароматный, Маркиз пил его из большой чашки, на которой сбоку был нарисован кот, как две капли воды похожий на Аскольда. Кот на чашке лежал на спине и делал вид, что спит, а сам наблюдал за нахальной птичкой, которая намеревалась слопать шуструю мохнатую гусеницу.

Вторая чашка чаю подходила к концу, Лёня сопел и отдувался, но про дело пока молчал. Наконец Лола не выдержала.

– Слушай, ты же лопнешь!

– Не говори под руку, – Маркиз вытер лоб кухонным полотенцем, – дай спокойно чайку выпить! Печенья у нас нету?

Видя, что его подруга едва не взвыла с досады, Лёня допил чай и вкратце рассказал ей о том, что происходило за время ее отсутствия, а также о своей встрече с Руо.

– Так что от тебя требуется подойти к Артуру и попросить у него помощи. Он даст тебе мой телефон, вот и все.

– Твой телефон?! – Лола захлопала глазами. – Лёничка, а что – проще никак нельзя? Например, узнать этот телефон прямо у тебя? Да, вообще-то, я его и так знаю!

– Лолка, не пытайся казаться глупее, чем ты есть! Мы хотим понять, что происходит с заказчиками, так?

– Ну, допустим...

– Значит, ты должна делать то, что делали они. То есть для начала узнать мои координаты. На этом пока все...

– Как – все? – удивилась Лола. – А что я должна буду делать потом? Спокойно ехать домой? А если эти люди, что перехватывают у тебя заказчиков, будут следить за мной? А если они знают, где ты живешь? Кстати, ты говоришь, что мне придется пойти в «Арабские ночи»? Так это очень круто, нужно тщательно подготовиться, туда абы кого не пускают. Давай придумаем мне легенду...

– Давай, – согласился Лёня, он был ужасно доволен, что Лола наконец дома и есть с кем обсудить их совместные дела. – Значит, ты – богатая дама средних лет...

– Почему это средних лет? – тут же возразила Лола.

– Потому что, если ты покажешься в своем настоящем виде, то никто не поверит, что у тебя проблемы! – кротко ответил Лёня. – Вид у тебя, Лолка, веселый и довольный, и, кроме того, тебе нужно изменить внешность, вдруг те люди знают тебя, как мою...

– Твою – кого? – прищурилась Лола.

– Мою помощницу, и не спорь.

– Да я и не спорю. – Лола с удовольствием погляделась в зеркало. – Значит, сделаем из меня брюнетку с восточным разрезом глаз, прилично за тридцать.

– Угу, такая будет знойная женщина – мечта поэта! – поддакнул Лёня. – Ты – бизнесвумен или, лучше, жена бизнесмена.

– И что? Какое у меня может быть деликатное дело к такому человеку, как Лёня Маркиз? Муж пропал?

– Я не полиция, – открестился Лёня, – в крайнем случае, для поисков блудного мужа можно нанять частного детектива. Нужно что-то посложнее.

Он зачерпнул ложкой айвовое варенье прямо из банки.

– Не смотри на меня так, сладкое помогает умственному процессу. – Он с шумом проглотил варенье и прислушался к себе. – О! Мысль пошла! Значит, так. Ты – жена бизнесмена

из... – он схватил газету, которая валялась на холодильнике, пока ее оттуда не сбросил кот, а потом Пу И не поиграл с ней в интересную подвижную игру под названием «Кто быстрее разорвет».

– Бизнесмена из Новохоперска... нет, из Екатеринбурга. Зовут его Василий Ипатов... Слушай. – Лёня не глядя зачерпнул еще одну ложку варенья. – Да ты ведь его вдова... Вот, смотри: погиб в автокатастрофе бизнесмен из Екатеринбурга... столкнулись две машины и взорвались... ту-ту-ту...

– Да это же старая газета! – вскричала Лола. – Уже, наверное, месяц с того дня прошел!

– Чудненько, – обрадовался Лёня, – значит, ты себе жила в Екатеринбурге, унаследовала имущество после мужа...

– Сама стала фирмой управлять... – подсказала Лола, – а тут вдруг... приходит мне письмо!

– Так, мол, и так! – подхватил Маркиз. – Вашего мужа видели там-то и там-то с интересной блондинкой. И фотография... нет, фотографии не нужно, где мы ее возьмем? И ты сразу забеспокоилась, потому что там, в письме, такие подробности, что не верить им нельзя...

– Пожалуй, все-таки нужно фотографию предъявить... – задумчиво сказала Лола.

– Обсудим! – отмахнулся Маркиз и попытался зачерпнуть следующую ложку варенья, но, пока он прикрывался газетой, Лола успела убрать банку в буфет.

– Ты заволновалась, потому что муженек тебе совершенно не нужен, ни живой, ни мёртвый, – мстительно заговорил Лёня, – ты прекрасно управляешь бизнесом и без него, и даже любовника завела... Можно сказать, башмаков еще не износила, в которых шла за гробом мужа!..

– Вот про башмаки не надо! – обиделась Лола. – И про любовника тоже! Я – женщина честная! Однако безобразие такое – с беглым мужем – желаю незамедлительно пресечь! И по возможности тихо, так что милиция в этом деле мне совсем не нужна. То есть полиция.

– Вот и умница... – Лёня поискал глазами, что бы еще съесть, но на столе было пусто.

Тогда он задумчиво поглядел на холодильник, но там, как перед амбразурой, стояла Лола, скрестив руки на груди. На лице ее было написано, что граница на замке, «они не пройдут», и вообще, за нами Москва, так что Лёня вынужден был покориться.

Лола не стала пинать поверженного противника ногами, она зевнула и сказала, что ей осточертели полки в железнодорожных вагонах и она желает выспаться в мягкой постели – по-человечески. Пу И уже сладко спал на шелковом покрывале и даже не проснулся, пока его перекладывали на подушки.

Лёня уселся за компьютер, вытащил с фотосайта фотографию лысоватого мордатого мужика лет пятидесяти и задумался: подходит ли это лицо для екатеринбургского бизнесмена, Василия Петровича Ипатова? Выходило, что подходит, однако Лола – какой она желает предстать перед своими заказчиками – никак не могла бы быть женой такого человека: уж слишком он прост.

Лёня подключил «фотошоп» и пририсовал мужику рыжие усы. Стало еще хуже. Тогда он убрал усы и вместо лысины сделал ему пышную черную шевелюру. Сразу стало ясно, что темные вьющиеся волосы не подходят к этому типу лица. Лёня уменьшил глаза, сделал их темными и блестящими. Получился полный кошмар – не хватало только золотого зуба, чтобы определить мужика в полного жулика и афериста.

«Дрыхнет себе, – с обидой подумал Маркиз о напарнице, – нет чтобы самой о собственном муже позаботиться! Однако нужно что-то делать, кто же поверит, что порядочная женщина станет беспокоиться о таком типе? Да на него и блондинка-то никакая не взглянет... Разве что буфетчица из вокзального ресторана...»

Он убрал вообще весь волосяной покров, кроме бровей. Стало лучше. Маркиз осторожно добавил немного волос по бокам, получилось в самый раз. Нос у мужика свисал сливой, Лёня

заменял его на аккуратную «уточку», уменьшил носогубные складки, убрал одутловатость щек, сделал кожу потемнее – мужчина помолодел лет на пять. Получился подтянутый загорелый мужчина лет сорока семи – в самый раз для бизнесмена Василия Ипатова.

Блондинок на фотосайтах было навалом, на любой вкус. Лёня выбрал не самую шикарную – нечего конкурентов баловать. Поработал немного в фотошопе, включил принтер – и вот, фотография лежит на столе, а на ней, за столиком в ресторане, – моложавый загорелый мужчина обнимает довольно вульгарную, сильно накрашенную блондинку, та держит в руках бокал шампанского и хохочет. Как говорится, чтоб нам так жить!

Маркиз полюбовался на свою работу, протер усталые глаза и вышел из комнаты. Оглядываясь на Лолину дверь, он прокрался в кухню в одних носках и открыл буфет. Варенья не было. Ни айвового, ни абрикосового, ни из грецких орехов. Куда же оно делось, ведь он собственными глазами видел, как Лолка убрала в буфет все три банки?

Перепрятала, понял Лёня, и когда только успела? Ужасная женщина, что ей, варенья жалко?..

Он тяжело вздохнул и поплелся спать.

Возле ярко освещенного подъезда на Литейном проспекте одна за другой останавливались дорогие престижные машины – «Бентли» и «Ягуары», «Лексусы» и «Инфинити», так что маленькая спортивная «Ауди» с откидывающимся верхом казалась здесь почти Золушкой на королевском балу.

Однако к ней, как и ко всем прочим машинам, подскочил юноша в экзотическом восточном наряде, с яркой чалмой на голове, и помог выйти из нее смуглой ухоженной брюнетке лет сорока, с чуть раскосыми глазами, говорившими о ее восточном происхождении. Закрытое платье из черного струящегося шелка, напоминавшего ночное небо Италии, довершало образ гостьи.

Перед входом уса́тый янычар с наголо выбритой головой и кривым кинжалом за поясом потребовал у дамы приглашение, и она с милой улыбкой достала его из крошечной сумочки от Фенди, украшенной бисером и стразами.

Вдоль стен стояли низкие восточные диванчики с яркими подушками, инкрустированные слоновой костью столики, большие яркие кальяны. В воздухе витал дурманящий сладковатый аромат восточных благовоний. Официантки в шелковых шароварах разносили бокалы с шампанским и коктейлями и разнообразные закуски.

В помещении ресторана было уже людно. Известный художник и путешественник Анатолий Стрелкин, собрав вокруг себя дамский кружок, рассказывал о своем последнем путешествии.

– Главный жрец племени уже собирался бросить меня в костер, – говорил Стрелкин, сверкая глазами и подкручивая свои знаменитые усы. – Священные барабаны забили тревожную дробь! Но тут, к счастью, появился сын вождя – от любимой одиннадцатой жены. Славный парень, мы с ним познакомились в Париже год назад, на весеннем показе у Карла Лагерфельда. Так вот, он выкупил меня у жреца за какую-то смешную сумму...

Обычно Стрелкин собирал вокруг себя большую часть гостей на любом рауте, но сегодня кружок его слушателей был не очень велик: многие столпились в центре зала, где царил самый знаменитый иллюзионист прежних лет – Артур Руо. Артур Альбертович был облачен в стиле сегодняшней вечеринки: в пышные восточные шаровары, туфли с длинными загнутыми носами, в расшитый золотом камзол, перехваченный широким шелковым поясом, и плюс к этому – голову его украшала огромная яркая чалма.

– Шамбала-мамбала! – воскликнул Руо, взмахнув черной палочкой, и в ту же секунду на столике перед ним возникло блюдо с фруктами и восточными сладостями. – Угощайтесь, господа! – проговорил иллюзионист, сделав приглашающий жест.

– А это не бутафория? – поинтересовалась известная телеведущая, стоявшая в первом ряду зрителей.

– Вы не верите в мою волшебную силу? – усмехнулся Руо. – А зря!

– Я верю только в волшебную силу рекламы! – отозвалась ведущая. – А еще – в рейтинги и проценты аудитории...

– Ну что ж... Шамбала-мамбала! – и с этими словами Артур Альбертович коснулся своей черной палочкой плеча скептически настроенной дамы.

Серебристое платье от Роберто Кавалли испарилось, как последний снег под ярким апрельским солнцем. Точно так же испарилось и все остальное, что было надето на самоуверенной ведущей. Она стояла посреди зала в костюме Евы, и единственное, что оставил ей из одежды зловредный фокусник, были туфли на высоком каблуке и скромные серьги с маленькими бриллиантами.

Осознав весь ужас своего положения, дама с ног до головы залилась краской, тонко завизжала и стремглав помчалась к двери в служебные помещения.

Зато остальные посетители пришли в восторг, и толпа вокруг иллюзиониста стала еще плотнее.

– Шамбала-мамбала! – провозгласил Руо, взмахнув палочкой, и посреди зала забил фонтан.

– Шамбала-мамбала! – и с потолка посыпалось разноцветное конфетти.

– Подумаешь! – выкрикнул лысый мужчина с золотой цепью на шее. – Кому интересны эти дешевые фокусы? Лучше раздень ее! – И он показал на известную фотомоделю.

– Но-но! – отозвалась та. – Я раздеваюсь только для «Плейбоя», это оговорено контрактом!

– А я могу раздеться хоть сейчас, – выскочила на середину зала стареющая певица.

– Да кому ты нужна! – остановил ее лысый. – Все сразу от испуга разбегутся!

– Шамбала-мамбала! – повторил Артур Альбертович, и посреди зала возник владелец «Арабских ночей», крупный бизнесмен Арсений Арагонский.

– Спасибо, друзья, за то, что вы сегодня пришли к нам! – начал он, и толпа вокруг иллюзиониста быстро начала редеть.

Арагонский хорошо поставленным голосом озвучивал свои обширные творческие планы, и иллюзионист отошел в сторонку, чтобы немного отдохнуть.

И тут к нему подошла смуглая брюнетка с немного раскосыми глазами, в платье цвета жгучей «итальянской» ночи.

– Здравствуйте, Артур Альбертович! – проговорила она музыкальным голосом. – Вы меня помните?

– Как же можно забыть такую женщину! – галантно ответил фокусник.

– Только, очень прошу вас, не раздевайте меня! – проговорила дама с кокетливой улыбкой. – Я уже не в том возрасте... и вообще, поверьте, мне есть что скрывать...

– Вы говорите – возраст? – переспросил иллюзионист. – Но я ни за что не дал бы вам больше двадцати пяти!

– Лысец! – Брюнетка слегка шлепнула его по руке.

Руо лихорадочно пытался вспомнить свою собеседницу... и не мог, при всей своей прекрасной памяти на лица.

– Не мучайтесь. – Дама опасливо огляделась по сторонам и понизила голос. – Вспомните нижегородские гастроли восемьдесят девятого года!

Руо узнал пароль, и лицо его разгладилось:

– Ну да, конечно! Разумеется, я помню эти гастроли!

– Отлично. – И брюнетка заговорила значительно громче: – Я попала в очень затруднительное положение... даже не знаю, как вам рассказать...

– Не знаете – и не рассказывайте, дорогая! – перебил ее иллюзионист. – У меня такое правило – если я ничем не могу помочь, стараюсь не вдаваться в детали чужой биографии!

– Но я как раз на вас и надеялась! – проговорила брюнетка, порывисто схватив Артура Альбертовича за руку. – Ведь вы – настоящий волшебник! Просто чародей! И я думала, что в память нашей прежней дружбы вы мне поможете... уверяю вас, в этом нет никакого криминала!

– Боюсь, что сам я ничего не смогу сделать... – протянул Руо. – Однако в память прежней дружбы... вот что, дорогая! – Артур Альбертович просиял, как будто в голову ему пришла неожиданная идея. – Я знаю, кто вам поможет! Это замечательный молодой человек, мастер на все руки... человек, широко известный в узких кругах...

– Но ему можно доверять? – голос брюнетки прозвучал озабоченно.

– Безусловно! – подтвердил иллюзионист и достал из складок своего восточного камзола картонную карточку и ручку в позолоченном футляре. – Я запишу вам его телефон... можете сослаться на меня, он меня хорошо знает!

Неподалеку от собеседников остановилась официантка с подносом. Артур Альбертович подозвал ее и спросил свою собеседницу:

– Какие напитки вы предпочитаете?

– Я бы выпила замороженную «Маргариту», но здесь только шампанское...

– Слово дамы для меня – закон! – фокусник протянул правую руку к подносу, подхватил двумя пальцами бокал с шампанским, взмахнул левой рукой, в которой была зажата палочка... и бокал наполнился искрящимся голубоватым льдом. – Вот ваша «Маргарита»!

Официантка едва не выронила поднос, но вовремя опомнилась и подумала, не попросить ли фокусника, чтобы он внушил хозяину мысль прибавить ей зарплату, однако – по зрелом размышлении – сочла, что такое даже знаменитому иллюзионисту не под силу.

Лола улыбнулась Артуру Альбертовичу и отошла. Она поболталась немного по залу, выпила «Маргариту», съела тарталетку с чем-то пряным и острым и решила, что пора уходить. Никто не следил за ней, никто не приставал к ней с разговорами и вопросами.

В машине она набрала номер, который дал ей иллюзионист.

– Алло, это Леонид? – спросила она требовательным тоном, когда ей ответили. – Мне вас рекомендовали, как знающего специалиста... да-да, Артур Альбертович, мы с ним старые знакомые...

– Слушаю вас...

– Меня зовут Земфира, мне нужен человек, который сумел бы выполнить деликатное конфиденциальное поручение... ну, вы меня понимаете?

– Не совсем, – осторожно ответил Маркиз, – думаю, не стоит уточнять подробности по телефону, мы с вами могли бы встретиться и поговорить.

– Конечно! – спохватилась «Земфира». – Я приезжая, плохо знаю город, говорите, когда и где.

– Ну... завтра вас устроит?

– Меня устроило бы и сегодня, если бы не было так поздно! – пылко ответила Лола, вспомнив, что она – женщина восточных кровей.

– Ну, тогда завтра, в два часа дня, в бизнес-центре «Старый форт», что напротив «Авроры», на другом берегу Невы. Там на втором этаже, на галерее, есть кафе.

– А как я вас найду? – не отставала Лола.

– Я вас сам найду, а как – пусть это будет моим маленьким секретом, – галантно ответил Маркиз. – Но если вы беспокоитесь, то можете держать в руке журнал «Коневодство» за прошлый месяц. И вот еще что: вы в курсе, что я противник всяческого насилия? Если у вас дело такого рода, заранее прошу не беспокоить меня.

– О да, конечно... – протянула Лола, – но у меня встречная просьба. Надеюсь, у вас нет кота?

– Что? – растерялся Лёня. – А почему вас это интересует?

– Видите ли, у меня аллергия на шерсть персидских кошек.

«Аскольд не персидский!» – тут же возмутился Маркиз, но вовремя прикусил язык.

– Я не собираюсь приходить на встречу с персидским котом! – сухо сказал он.

– Я и не сомневалась, – сказала Лола, – однако попрошу вас тщательно очистить свою одежду.

– Да нет у меня никакого персидского кота! – крикнул Лёня, но в трубке уже пикало.

«Ну дает Лолка, – подумал он, переглянувшись с Аскольдом, – ведь договорились же обо всем, так ей обязательно нужно симпровизировать! Тоже мне, актриса погорелого театра...»

Он притянул к себе кота и зарылся носом в пушистую шерсть. Кот промурлыкал, что все будет хорошо. Но Лёня видел, что кот тоже волнуется за Лолу.

А Лола, убрав телефон, аккуратно выехала на улицу и поехала в район Исаакиевской площади, где на набережной Мойки находился небольшой частный отель под названием «Медный всадник». С хозяином отеля все было обговорено еще утром – он пускает к себе постоялицу, регистрируя ее как приезжую из Екатеринбурга, Земфиру Ипатову, не спрашивая документов.

В холле отеля не было никого подозрительного. Там вообще никого не было. Поздоровавшись с портье, Лола поднялась на лифте на второй этаж и открыла двери номера. Номер как номер, чисто, уютно, тепло. Лола тщательно заперла дверь, прошла по комнате, проверяя, как учил Лёня, наличие «жучков». Но то ли их не было, то ли она оказалась плохой ученицей, только никаких подслушивающих устройств в номере не обнаружилось. Лола вздохнула, покуривала на балконе, потом смыла грим и приняла душ. Оставалось только лечь спать, чтобы ночь поскорее прошла. Если спать, то не умрешь от скуки. Но сон не шел, потому что накануне Лола продрыхла, как сурок, больше двенадцати часов. Но, разумеется, бессонница у нее не от этого, тут же поняла Лола, просто ей не хватает Пу И. Песик всегда по ночам уютно посапывал рядом с ней, Лола привыкла к нему и сейчас затосковала. Как там живет ее бедной собачке? Кто позаботится о ней? Конечно, Лёня к Пу И относится неплохо, он выгуляет и накормит песика, но Пу И не привык спать один, а место у Лёни под боком прочно занято котом. Аскольд умеет быть ужасно противным, он никогда не уступит своего! Бедный Пу И!

На глаза у Лолы навернулись слезы. Рука потянулась к телефону – позвонить, утешить собачку, сказать Пу И, что Лола не бросила свое сокровище навсегда, что она скоро вернется. Но тут же перед ней встал во весь рост ее компаньон. Он говорил что-то и грозил ей пальцем:

– Никогда не звонить! Ни под каким видом. Никакой связи, кроме экстренной, в том случае, если что-то неожиданно изменится! Лолка, все это очень серьезно! Ты – госпожа Ипатова, и забудь про все остальное!

И Лола сдержала порыв. Правда, для этого пришлось ей поплакать в подушку и даже укунить эту самую подушку за край. Она оказалась удивительно невкусной, и Лола помаленьку успокоилась.

Уже поплыли перед глазами сказочные видения – замки, всадники на лошадях, озеро с белыми лебедями, как вдруг в уши ее вторгся посторонний звук. Лола открыла глаза и села на постели. Звук оказался зуммером телефона. Того самого, с которого она звонила Маркизу под видом Земфиры Ипатовой.

Лола протерла глаза и уставилась на телефон. Он подпрыгивал на столике и даже медленно двигался в ее сторону. Лола подождала еще немного, телефон не умолкал. Тогда Лола с опаской протянула руку и поднесла телефон к уху.

– Добрый вечер, – раздался в трубке негромкий, вкрадчивый и до боли знакомый голос. – Я вас не разбудил?

Лола перевела дух и хотела тут же заорать: «Лёнька, паразит, ты напугал меня до смерти! Сам же не велел звонить, а сам трезвонит! Что у тебя стряслось?»

Но голосовые связки не сразу отошли от спазма. По актерской привычке Лола машинально выждала немного, чтобы голос не был хриплым, и за это время она успела прийти в себя и вспомнить, что она в данный момент вовсе не Лола, а некая Земфира Маратовна Ипатова. Лола сосредоточилась и ответила низким голосом, слегка растягивая слова:

– Добрый вечер. Прошу прощения, с кем я разговариваю?

– Это Леонид, – откликнулся голос, в чем Лола и не сомневалась. – Видите ли, в чем дело... У меня изменились обстоятельства, и, если вы не против, я хотел бы перенести время и место встречи. Мы встретимся в двенадцать часов у памятника Достоевскому, возле Владимирской площади. Вам подходит?

– Ну... я не знаю... – промямлила Лола, совершенно сбита с толку, – я плохо знаю ваш город...

– О, я вам сейчас объясню! – с готовностью продолжил Леонид. – Это очень просто: вы доезжаете до Владимирской площади, паркуетесь и идете пешком по улице Правды, там совсем недалеко. Памятник хорошо виден, там еще такой скверик...

Лола напряженно вслушивалась в этот голос, ища хоть какую-нибудь зацепку. Что еще Лёнька придумал? Почему он не поставил ее в известность, что решил изменить ход операции?

– Не удивляйтесь, если к вам подойдет женщина, – продолжал Маркиз, – это моя помощница, она пользуется полным моим доверием.

– Да-да... – рассеянно сказала Лола, – я согласна... в полдень у памятника Достоевскому.

– Буду с нетерпением ждать встречи! – «расшаркался» голос в трубке, но Лола уже отключилась.

Она задумчиво поглядела на телефон и брезгливо бросила его на столик. Потом встала и босиком направилась в ванную, где долго и внимательно рассматривала себя в зеркало.

Что все это значит? Что означает этот поздний звонок? Голос по телефону, несомненно, принадлежал Лёне Маркизу – он звонил заказчице, чтобы перенести встречу. Но заказчица-то она, Лола... То есть не Лола, а Земфира...

– И что это он там говорил о помощнице... – пробормотала Лола, но тут же испуганно закрыла рот рукой.

Лёнька предупреждал ее, что в номере и у стен могут быть уши. А тип в трубке вообще много чего говорил, в частности про какую-то помощницу.

«Но ведь помощница у Лёни только одна – та, которой он доверяет как самому себе, – думала Лола, – и помощница эта – я! Но ведь он звонит мне, как заказчице, и говорит... про помощницу... Чушь какая-то!»

Лола снова внимательно поглядела на себя в зеркало.

«Что же это получается? Может быть, я – это не я? Или наоборот, не я – это я?»

Но свежее без грима лицо в зеркале тут же доказало ей, что это именно она, Лола, что они с Лёней Маркизом уже больше двух лет успешно сотрудничают, что Маркиз ее никогда не подводил и много раз выручал и вытаскивал из разных передряг. Лёня крепко-накрепко вбил ей в голову, что при подготовке к операции нужно выработать четкий план и следовать этому плану во что бы то ни стало, ничего не меняя, чтобы не подвести партнеров. И если сейчас он позвонил ей и изменил место встречи, стало быть, что-то пошло не так, и это и есть тот самый экстренный случай, когда нужно срочно связаться с ним. Не по телефону, нет, телефоном он ей пользоваться запретил.

Лола встряхнулась, приободрилась и решила, что пора действовать.

Она надела джинсы, темный свитер и кроссовки, быстренько соорудила на постели из лишнего одеяла силуэт лежащего человека, положила на подушку парик, который она надевала, будучи Земфирой, и выскользнула на балкон. Балкон был угловой – они специально зака-

зали такой номер. И чуть в стороне проходила пожарная лестница. Между Лолиным балконом и этой лестницей кто-то забыл открепить трос, каким пользуются мастера по установке спутниковых антенн и те, кто вешает наружную рекламу. Кто-то, а конкретно – Лёня Маркиз, который с утра сначала сделал так, что в отеле все телевизоры перестали показывать, а потом явился под видом мастера и сказал, что все дело в антенне. Телевизоры заработали, но про трос Лёня «временно» забыл.

Лола подтянула к себе трос и повисла на нем. Оттолкнувшись от стены, она без труда приблизилась к пожарной лестнице, ухватилась за ржавую перекладину и через три минуты была уже внизу. Поглядев вокруг и убедившись, что никому до нее нет дела, Лола бросилась бежать, стараясь не очень сильно шуметь. В кроссовках это было нетрудно.

Через два квартала она нырнула в тупичок и оказалась возле припаркованной машины – скромной «девятки». Лола постучала в окно и, когда оно опустилось, раздраженно бросила:

– Спишь на работе!

– Не злись, – примирительно сказал Ухо, дежуривший в этом местечке по просьбе Маркиза, – я думал, ты уж не придешь. А что случилось-то?

Лола плюхнулась рядом с ним и сообщила о недавнем телефонном разговоре.

– Лолка, он тебе точно не звонил, – нахмурился Ухо, – он бы сказал. А ты уверена, что это был он? Ты спросонья не перепутала? Знаю я вас, девчонок, спите, как сурки...

– Что ты знаешь? – завелась Лола. – Ты только в своих машинах и понимаешь!

Это была чистая правда – Ухо знал машины, как никто. Маркиз был знаком с ним давно, Ухо неоднократно помогал ему с машинами. Он мог в считанное время раздобыть любое транспортное средство, от игрушечного детского самосвала до мощного карьерного грузовика и от реанимационного автомобиля до коллекционного розового «Кадиллака» середины прошлого века.

– Ну ладно, ладно, что это ты такая нервная? – примирительно сказал Ухо. – А ты по голосу его узнала?

– Нет, по трусам! – рассвирепела Лола. – Ну как я еще могла его узнать, если он со мной по телефону говорил?!

– Да не он это был! Ладно, не кипятись. – Ухо попытался отодвинуться подальше, но ему помешал руль. – Я все понял: завтра, в двенадцать, у памятника Достоевскому, там еще слепой на гармошке играет. Не волнуйся, иди спать, а мы уж с Маркизом подготовим комитет по встрече.

– А как там Пу И? – жалобно спросила Лола.

Ухо, который вообще забыл, что Пу И существует на свете, клятвенно заверил ее, что с песиком все в порядке – он поужинал с большим аппетитом, посмотрел детскую передачу и теперь спокойно спит.

Лола тяжело вздохнула и отстала. Они решили наплевать на конспирацию и подвезти Лолу поближе к гостинице. Машина медленно проехала два квартала по набережной, Ухо поглядел на пожарную лестницу и покачал головой. Он залез первым и открыл маленькую дверцу, выходящую на пожарную лестницу. Дверь была заперта, что для такого специалиста, как Ухо, препятствием не являлось. Он открыл дверь, погладил Лолу по плечу и уехал докладывать Лёне. Лола неслышно прокралась по коридору в свой номер. Никто ей не встретился по пути.

А Ухо рванул к себе в мастерскую, где его ждал истомившийся от нетерпения Лёня Маркиз. Одним духом Ухо выложил свежую информацию.

– Ох, ни фига себе! – Лёня схватился за голову. – Это кто-то под моим именем тут орудует...

Он надолго задумался. С одной стороны, интуиция подсказывала ему, что столкнулся он с людьми серьезными, раз уж так все грамотно у них устроено, что даже голос его они

по телефону скопировали. И ведь перед кем – перед Лолкой, которая в голосах разбирается будьте-здасьте! И как-то беспокойно ему стало за Лолу, захотелось отозвать ее и посадить дома, под присмотром зверей.

А с другой стороны, если он так сделает, то никогда не узнает, кто же это так ловко под него копают? Да и клиентов всех у него переманивают потихоньку... А вдруг тот человек, что выдает себя за него, Лёню Маркиза, окажется некомпетентным и неумелым, провалит дело, которое ему поручили, тогда клиент обидится и начнет рассказывать всем и каждому, что Маркиз уже не тот, что он потерял квалификацию, не работает, а халтурит и что лучше к нему по серьезным вопросам не обращаться – нет уверенности, что дело будет выполнено?

Этого Лёня никак не мог допустить. Он решил все-таки отправить Лолу на встречу и внимательно за ней проследить. Из виду ее не упускать, и если что-то пойдет не так – он успеет вызвать Лолу.

– Где, говоришь, встреча-то? – Маркиз искал в компьютере карту города. – Ага, вот она, Владимирская площадь... Ну что ж, народу там обычно много, никто ни за кем не смотрит, но у памятника никто долго не стоит, если мы будем следить – сразу нас срисуют. Тем более что люди под нас копают ловкие...

– Мужик там один на гармошке постоянно играет, – заявил Ухо, – я это место хорошо знаю. Все лето там сидит, и осенью тоже, пока дожди не пойдут...

– А сейчас у нас поздняя золотая осень... – протянул Лёня, – птицы на юг улетаю...

– Погоду хорошую на завтра обещали, – согласился Ухо.

– Угу... ну, я тут помозгую, позвоню кое-кому, а ты, Ухо, завтра мне машинку какую-нибудь подгони...

– Сделаем!

– Мы в стороне встанем... да, плохо видно будет, а на то место посажу я своего аккордеониста, он просигнализирует, когда те типы на связь с Лолкой выйдут.

Вася Владимирский неторопливо брел на работу.

Погода стояла прекрасная, для октября – просто удивительная, что чрезвычайно благоприятствовало Васиному бизнесу.

Вася «работал» слепым рядом с Владимирской площадью, почему и носил такое звучное прозвище.

В отличие от большинства нищих этого района, он промышлял не перед самой Владимирской церковью, а на другой стороне площади, в скверике, рядом с памятником великому писателю Достоевскому. Вася не читал книг этого писателя, но все же уважал его, потому что слышал от умных людей, что Федор Михайлович описывал эти самые, мрачные и небезопасные, места Петербурга, район, примыкающий к Лиговскому проспекту и Разъезжей улице. И людей он описывал таких, как сам Вася и его знакомые.

Вася не просто так сидел с протянутой рукой перед памятником. Он играл на трофейном немецком аккордеоне несложные популярные мелодии вроде вальса «На сопках Маньчжурии» или народной песни «Когда б имел золотые горы». Иногда, под настроение, он играл свою любимую песню «Одинокая гармонь». И уж в самых торжественных случаях – по церковным праздникам или во время выборов в Государственную думу – Вася исполнял песню на мотив бессмертной «Девочки Нади», и начиналась она такими словами:

– Прихожу я в Летний сад, вижу там картину:
Комсомольцев двое спят – пьяные в дрезину!
Это было, кажется, на второе мая,
Солнце по небу ходило, в лужицах играя!

Отчего-то под эту песню подавали ему лучше всего.

Когда погода окончательно портилась, начинались непрерывные осенние дожди, постепенно переходящие в мокрый снег, Васе приходилось перебираться под землю, в метро, в длинный переход на станции «Невский проспект». Подавали там неплохо, но, к сожалению, приходилось большую часть выручки отдавать местной охране, кроме того, Вася плохо переносил долгое пребывание под землей, без солнечного света и свежего воздуха, поэтому хорошая теплая погода была ему очень на руку.

Когда Вася уже шел мимо Кузнечного рынка и до места работы оставалось каких-нибудь сто метров, к нему подошел мужчина лет тридцати пяти – сорока, с приятной, но незапоминающейся внешностью.

– Добрый день, маэстро! – приветствовал он слепого аккордеониста. – Как жизнь молодая? Готовитесь к гастролям?

– Чего надо? – довольно невежливо осведомился Василий, пытаясь обойти навязчивого незнакомца.

– Поговорить! – отозвался тот, широко и приветливо улыбаясь.

– Некогда мне разговоры разговаривать! – Вася закинул аккордеон за спину. – Мне работать пора. Ежели какой разговор есть – обращайся к Степану Матвеечу!

Степан Матвеевич Подколотный был местный участковый милиционер, который «крышевал» окрестных нищих и прочую сомнительную публику. С ним у Василия были прочные, долговременные, налаженные деловые отношения.

– Извините, маэстро! – Улыбка незнакомца стала еще шире. – У меня к вам разговор не пустой, а деловой и взаимовыгодный. Вот вы, к примеру, сколько за день зарабатываете?

– А что это ты, молодой человек, чужими доходами интересуешься? – окрылся Василий. – Тебе в детстве не говорили, что некрасиво считать деньги в чужом кармане?

– Не подумайте, что я это из праздного интереса спрашиваю... или что я из налоговой инспекции, не к ночи будь помянута! Я же говорю – у меня к вам деловое предложение имеется.

– Излагай! – строго произнес Василий, буравя незнакомца суровым взглядом сквозь круглые черные стекла очков.

– Я вам плачу вашу дневную выручку, и вы целый день занимаетесь чем хотите. Но не показываетесь на своем обычном месте.

– Во как! – протянул Вася, обдумывая неожиданное предложение.

– Ну так все же – сколько вы за день зарабатываете?

– Ну... это когда как... бывает, что хорошо кидают...

– При хорошем раскладе.

– Ну, к примеру, сто баксов.

– Нет вопросов! – И незнакомец достал из кармана купюру с изображением американского президента.

Василий сдвинул черные очки на лоб и внимательно рассмотрел зеленую бумажку.

– Настоящая! – проговорил он после тщательного осмотра.

– Мне бы ваше зрение! – восхитился незнакомец. – Это что – все слепые таким острым зрением отличаются?

– Я не слепой – я слабовидящий! – уточнил Вася. – А в деньгах мне по моей профессии непременно надо разбираться! Я же все время при деньгах, все равно как в банке!

– Ну так что – по рукам?

– Надбавка нужна, двадцать процентов! – потребовал Василий.

– Это за что – за вредность?

– Во-первых, когда я на рабочем месте, у меня какие расходы? Считаю, никаких! А тут – свободный день, выпить надо, закусить... опять же, без практики я могу навык утратить... а третье – пока меня не будет, кто-то другой может место мое занять...

– Насчет этого, маэстро, не беспокойтесь – я на ваше место хорошего человека посажу. Настоящего профессионала! Но надбавку, так и быть, заплачу, – и он сунул Василию еще одну хрустящую купюру.

Вася спрятал деньги в карман, вздохнул и отправился в небезызвестное заведение, официально называвшееся «Пельменная «Прибой», но среди местных жителей более известное, как «Витькина забегаловка». Всем там заправляла дородная бабища, которая представлялась вновь прибывшим Викторией, в то время как старожилы кликали ее Витькой. Но только за глаза, потому что рука у Витьки была тяжелая, и в гнев ее бывала она страшна. Но быстро отходила и даже наливала иногда страждущим в долг, за что окрестный непутевый люд очень ее уважал.

А собеседник слепого, в котором кое-кто мог бы узнать Леонида Маркова по прозвищу Маркиз, оглянулся и подал знак скрывавшемуся за углом человеку.

Это был старый знакомый Маркиза по его славной цирковой молодости. Звали его Артемий Владленович, и он работал в цирке музыкальным эксцентриком. То есть играл на самых разных предметах, казалось бы, вовсе не являющихся музыкальными инструментами: на пилах и косах, на стаканах и рюмках, на консервных банках и оцинкованных ведрах, на пишущих машинках и упаковочных ящиках. Разумеется, он неплохо умел играть и на настоящих музыкальных инструментах – на фортепьяно, тромбоне и аккордеоне. Последние годы Артемий Владленович был на пенсии, но охотно подрабатывал, когда представлялась такая возможность.

Артемий Владленович был предусмотрительно одет примерно так же, как Василий Владимирович. На голове у него была такая же приплюснутая кепка неопределенного цвета, глаза закрывали круглые черные очки. На плече у него висел такой же, как у Васи, старый немецкий аккордеон.

Маркиз указал своему человеку его рабочее место и пожелал удачи.

Артемий добрался до скверика, удобно устроился возле памятника Достоевскому и развернул мехи аккордеона.

Из трофейного инструмента полилась звучная мелодия.

Артемий Владленович играл полонез Огинского.

До места встречи Лола доехала на такси.

Водитель высадил ее возле ограды Владимирского собора. Лола перешла через дорогу и остановилась у памятника Достоевскому.

Собственно, остановилась возле памятника не Лола, а Земфира Ипатова, жена (или вдова) бизнесмена из Екатеринбурга.

Лола, как настоящая актриса, настолько вошла в эту роль, что действительно почувствовала себя Земфирой Ипатовой. Ей было тридцать восемь лет, она приехала в Петербург на поиски мужа. Этот город ей практически незнаком. Блестящие купола собора, суeta Северной столицы, сплошные потоки машин и людей вызвали в ее душе сложное чувство – одновременно восторг и раздражение.

Она встала неподалеку от памятника, зажав под мышкой яркий журнал с лошастью на обложке. Совсем рядом слепой в круглых черных очках очень артистично исполнял на аккордеоне вальс «На прекрасном голубом Дунае». Перед ним лежала кепка, в которую прохожие накидали уже довольно много денег.

Светило удивительно ласковое для октября солнце, и женщина, на мгновение забыв, для чего она сюда пришла, зажмурилась, наслаждаясь солнечным светом и музыкой Штрауса.

Из этого блаженного состояния ее вышиб гнусавый голос:

– Подайте на пропитание!

Рядом с ней возникла смуглая тетка в туго завязанном клетчатом платке с воровато бегающими глазками и с протянутой рукой.

Лола достала из сумочки десятку и вложила купюру в смуглую ладонь.

Она надеялась, что взамен нищенка подсунет ей записку или прошепчет какое-нибудь указание от того, кто назначил ей сегодняшнюю встречу... но ничего подобного не произошло. Тетка спрятала денежку и, недовольно проворчав, что такая богатая гагара могла бы и побольше расщедриться, захромала к ближайшему магазину «24 часа».

Лола скосила глаза на часы.

Время встречи с «помощницей Леонида» миновало уже десять минут назад, а никто так и не появился. Слепой аккордеонист виртуозно наяривал вальс «Сказки венского леса». Видимо, он был большим поклонником венской музыкальной школы, в частности Иоганна Штрауса.

Слушать его, подставив лицо мягкому осеннему солнышку, было приятно, но Лола давно взяла за правило – никого не ждать больше десяти минут, так что пора было отправляться домой. То есть, по крайней мере, в гостиницу, чтобы там дожидаться новых указаний от Маркиза.

Правда, на этот раз Лола ждала не кого-нибудь, а «ассистентку Леонида», то есть – саму себя; ей очень любопытно было бы увидеть, кто действует под ее псевдонимом, и она решила подождать еще пять минут.

Но ни минутой больше!

Аккордеонист, не изменяя своих пристрастий, плавно перешел к вальсу «Утренние газеты». На солнце набежала небольшая тучка, и сразу повеяло холодом – все-таки октябрь в нашей полосе – это никак не летний месяц. Лола зябко поежилась и вновь взглянула на часы.

Отпущенные на ожидание дополнительные пять минут тоже истекли.

Больше ждать не имело смысла.

Лола выбросила в ближайшую урну журнал «Коневодство» и решительно зашагала к переходу.

И тут на ее пути возникла невысокая худенькая старушка в черном, сильно потертом пальто с бархатным воротником и в черной же фетровой шляпке, украшенной искусственными фруктами. В правой руке она держала палочку, которой дробно постукивала по тротуару.

– Барышня! – прошамкала старушка, ухватив Лолу за локоть маленькой костлявой ручкой, больше напоминавшей птичью лапку. – Барышня, помогите старому человеку перейти на другую сторону! Я плохо вижу, и вообще, очень боюсь транспорта!

– Пошли, бабуля! – согласилась Лола и попыталась взять старушку под руку, но та не далась, еще крепче вцепившись в Лолин локоть. Лола дождалась зеленого сигнала светофора и осторожно ступила на мостовую. Старушка взвизгнула и поставила левую ногу на проезжую часть с таким видом, как будто вошла в ледяную воду. Затем она застыла на месте, явно не собираясь двигаться дальше.

– Бабушка, мы будем переходить или останемся здесь на зиму? – поинтересовалась Лола. – Скоро светофор переключится.

– Ох! – вскрикнула старушка. – Не торопитесь! Барышня, еще одну минутку! Дайте отдышаться!

– Господи! – вздохнула Лола. – Вы что – каждый раз такой цирк устраиваете? И как же вы, интересно, сюда-то добрались?

– Никак, – старушка доверчиво моргнула. – Я здесь родилась!

– Давайте все-таки пойдем вперед, – Лола попыталась сдвинуть свою престарелую спутницу с места. – Вы, может быть, здесь и родились, но я не хочу здесь умереть! У меня еще большие планы...

В это время рядом с ними затормозила машина.

В отличие от Уха, который с закрытыми глазами, по звуку мотора, мог отличить «седан» от «универсала», Лола в машинах совершенно не разбиралась и разделяла их на две категории: большие черные и маленькие разноцветные. Так вот машина, затормозившая рядом с ними, была очень большой и очень черной.

Дверца черной машины распахнулась. Лола попятилась, но старушка, только что бывшая совершенно беспомощной, еще крепче вцепилась в Лолину руку и с неожиданной силой толкнула свою спутницу к распахнутой двери.

– Бабушка, вы что это удумали? – растерянно вскрикнула Лола, пытаясь вырваться.

– Тише! – зашипела бабулька. – Садитесь в машину! Быстрее! За вами следят!

– Кто следит? Почему? – Лола по-прежнему упиралась. – Да не сяду я ни за что! За кого вы меня принимаете? Я в машины к незнакомым никогда не сажусь! Я не такая!

– Зато я такая! – шипела старуха, вцепившись в Лолу, как бультерьер. – Это со мной вы должны были встретиться! Я – помощница Леонида!

– Да что вы говорите?! – опешила Лола.

Старушка, воспользовавшись ее замешательством, с новой силой толкнула ее вперед, одновременно воспользовавшись своей палкой, как рычагом. Лола не удержалась на ногах... и плюхнулась на кожаное сиденье машины. Старушка вскочила следом за ней и захлопнула дверцу. Машина сорвалась с места.

Музыкальный эксцентрик Артемий Владленович, который должен был следить за Лолой и сигнализировать, когда кто-нибудь придет к ней на встречу, увидев, что жгучая брюнетка покинула сквер, решил, что его миссия закончена. Он с новой силой развернул меха аккордеона и заиграл для души свою любимую мелодию из мюзикла «Призрак оперы». При этом он так увлекся, что даже прикрыл глаза...

Открыв их, он увидел, как какая-то подозрительная старушенция заталкивает Лолу в черную «БМВ».

Артемий Владленович охнул, на середине музыкальной фразы оборвал своего «Призрака» и заиграл знаменитый марш из оперы «Аида».

Это был условный сигнал, которым он должен был сообщить Лёне о чрезвычайной ситуации.

– Может быть, вы объясните мне, что происходит? – воскликнула Лола, придя в себя.

– За вами следят, Земфира Маратовна! – ответила «старушка». Правда, теперь ее голос звучал достаточно молодо и мелодично.

– Откуда вы знаете мое имя? – настороженно проговорила Лола, повернувшись к своей соседке.

С бабкой происходили удивительные изменения: сняв винтажную шляпку и седой парик, она ватным тампоном снимала грим, молодея на глазах.

– Мы навели о вас кое-какие справки, – проговорил сидевший за рулем мужчина.

При этом он не повернулся, Лола видела только его затылок. И еще торчавшие по обеим сторонам головы большие розовые уши. И затылок, и уши были совершенно незнакомые, но вот голос... Лола готова была поклясться, что это голос Маркиза!

– Значит, за мной следят? – ехидно проговорила Лола, сложив руки на груди. – Это как раз вы за мной следите! И мне это совершенно не нравится! Я хотела вас нанять, потому что мне рекомендовал вас достойный человек... но я не люблю, когда обо мне за моей спиной наводят справки! Высадите меня немедленно! Я не нуждаюсь в ваших услугах!

– Не спешите с выводами, – прервала ее соседка, которая уже закончила снимать грим и оказалась молодой женщиной примерно Лолиных лет. – Нам пришлось кое-что разузнать о вас.

Вы же понимаете – в нашей профессии нужна осторожность... конечно, вы можете отказаться, но только сначала успокойтесь и немного подумайте.

– Допустим, – Лола тяжело вздохнула. – Однако... здорово вы сыграли старуху! Наверное, вы раньше работали в театре?

– Да, – скромно ответила собеседница, придирчиво оглядывая себя в маленькое зеркальце. – Я и сейчас иногда играю... разрешите представиться. Меня зовут Лола.

«Ничего себе! – подумала Лола. – Она – актриса... ее зовут Лола... а я-то тогда кто?!»

Она бросила взгляд в зеркало заднего вида.

Пожалуй, Лола ничуть не удивилась бы, не увидев там своего отражения. Однако отражение было. В зеркале отражалась сорокалетняя дама восточного типа. Вовсе не Лола, а Земфира Маратовна Ипатова, бизнес-леди из Екатеринбурга.

«Вот так и начинаются психические заболевания! – с грустью подумала Лола. – Сначала ты перестаешь быть самой собой, а потом воображаешь себя Клеопатрой, Софи Лорен или Жанной д'Арк...»

– А вы – Леонид? – осведомилась Лола, повернувшись к мужскому затылку.

– Да, я Леонид, – ответил тот, полуобернувшись.

Лола успела разглядеть безвольное, невыразительное лицо с отвислой нижней губой и мгновенно поняла, что ведущую роль в этом дуэте исполняет женщина. Но голос... это был Лёнькин голос, Лола готова была дать голову на отсечение!

– Так что вы сказали – за нами кто-то следил? – Она вновь повернулась к своему «второму изданию».

– За *вами* кто-то следил, – поправила ее псевдо-Лола. – Мы были осторожны и не привели за собой хвоста! Впрочем, конечно, вы – не специалист, и вы не знаете, как избавляться от слежки. Вам и не нужно это знать, доверьтесь нам.

– А с чего вы взяли, что за мной кто-то следил?

– Аккордеонист! – коротко ответила фальшивая Лола.

– Что – аккордеонист?

– Он слишком хорошо играл! Прежде здесь сидел другой человек. Довольно похожий на этого, но играл он на уровне школьной самодеятельности, да и репертуар у него был самый простой.

– Не знаю... – протянула настоящая Лола. – Все это как-то слишком похоже на фильм про шпионов... хвост, слежка... я же не шпионка, а самая обычная женщина!

«Лёнька-то как с аккордеонистом прокололся, – пронеслась мысль, – на классике споткнулся... Однако с этими двумя надо быть осторожнее, девица ушлая...»

– Вот и расскажите нам, почему за вами – самой, как вы сказали, обычной женщиной, – ведут такую профессиональную слежку. Расскажите, что заставило вас обратиться к нам?

– Ну, понимаете... – начала Лола. – Мой муж Василий владел на пару с компаньоном обувной фабрикой. Дела обстояли неплохо. Но несколько месяцев тому назад он уехал по делам сюда, в Петербург... и не вернулся. Мне сообщили, что он погиб в автокатастрофе. Хоронили его в закрытом гробу...

– Примите мои соболезнования... – скорбным тоном проговорила фальшивая Лола.

– Не стоит, – отмахнулась фальшивая Земфира. – Я уже успокоилась. И вступила в права наследства. И, между прочим, управляюсь с делами фабрики ничуть не хуже мужа!

– Примите мои поздравления!

– Не торопитесь, – ответила Лола. – Тут-то и начинается самое интересное! На днях я получила письмо. В этом письме какой-то неизвестный доброжелатель сообщает мне, что Василий жив... больше того, мне прислали его фотографию! – и Лола предъявила своей собеседнице плод их с Лёней совместного труда – фотографию своего фальшивого мужа в компании со сногшибательной блондинкой.

– Очень интересно! – протянула псевдо-Лола, рассмотрев снимок и передав его своему партнеру.

– Очень интересно! – повторил тот Лёниным голосом и вернул фотографию.

– И чего же вы хотите от нас? – осведомилась девица. – Найти блудного мужа? Застать его на месте преступления с этой красоткой? Вообще-то, вам не говорили, что мы с Леонидом не занимаемся обычными бракоразводными делами?

– Это не обычное бракоразводное дело! – выпалила Лола. – Мне важно не то, с кем этот павиан трахается! Мне важно, жив он или нет, потому что от этого зависит судьба моей... нашей фабрики! Если он умер – я на законных основаниях управляю имуществом, а если Василий жив... дело в том, что перед отъездом он, как обычно, оставил доверенность на управление фабрикой своему компаньону, Стасу Лисицыну. И если окажется, что Василий жив, эта доверенность вступает в законную силу, и Стас тут же отодвинет меня от фабрики!

Она громко всхлипнула, достала из сумочки кружевной платок и промокнула глаза.

– Примите мои соболезнования! – с отработанным сочувствием в голосе проговорила фальшивая Лола.

– Что? – повернулась к ней фальшивая Земфира, глаза которой мгновенно высохли, а на щеках загорелись красные пятна. – Засуньте свои соболезнования... знаете куда? Мне от вас не соболезнования нужны, а работа! Выясните, где мой муж! Мне вас рекомендовали как профессионалов! А если не можете справиться с этой работой – так прямо и скажите, я поищу других!

– Никого не нужно искать! – поспешно прервала ее собеседница. – Вы уже нашли! Мы с Леонидом – самые лучшие! Мы выполним эту работу лучше и быстрее всех!

– То-то же! – с сомнением отозвалась Лола.

– Только вам придется сменить гостиницу, – деловым тоном продолжила ее собеседница. – То, что за вами следили, наводит нас на серьезные подозрения. Это может быть опасно... за этим может стоять тот же человек, что и за исчезновением вашего мужа.

– Хорошо, – Лола кивнула. – Заедем в мою гостиницу, я заберу свои вещи...

– Об этом не может быть и речи! – подал голос молчавший до того мужчина. – Мы с таким трудом оторвались от хвоста, а там вас наверняка караулят! Нет, мы сейчас отвезем вас в безопасное место, а за вашими вещами съездим сами.

– Да? – проговорила Лола без всякого восторга. – Что это еще за безопасное место? Там хоть условия более или менее приличные?

– Не волнуйтесь! – с энтузиазмом воскликнула самозванка. – Комфорт гарантируем!

– Ну да, еще бы вы не гарантировали комфорт, при ваших-то расценках! – проворчала Лола.

Капитан полиции Ананасов пребывал в отвратительном настроении.

Причиной этому было решение, которое они с его другом и напарником Гудроновым приняли неделю назад под давлением общественности.

Они с Гудроновым решили завязать.

Конечно, такое радикальное решение они ни за что не приняли бы, если бы к общественности не присоединился их непосредственный начальник, Кузьма Остапович Хохленко. При чем полковник Хохленко не просто выразил им свое недовольство. Он ясно дал двум капитанам понять, что он сам и их родное отделение полиции расстанутся с ними, если они не завяжут с крепкими спиртными напитками. А еще лучше – со всякими, даже с пивом.

Короче, полковник просто не оставил им выхода.

Как водится, их решение было добровольным и сознательным.

Разумеется, два капитана отметили это решение посещением популярного бара «Джон Сильвер». Наутро им было очень худо, что укрепило их в принятом решении.

Завязали они с понедельника, поскольку именно с понедельника в нашей стране принято начинать новую жизнь и вообще всякие серьезные дела. Кроме того, понедельник – и без того самое отвратительное время года, часто к тому же повторяющееся, и два бравых капитана рассудили, что никакая их опрометчивая инициатива не сможет сделать его еще хуже.

Однако, судя по всему, они переоценили свои силы.

Шел только четвертый день воздержания, но Ананасов чувствовал себя так, как будто случайно оказался между мельничными жерновами и чудом выбрался наружу. Или – словно его прожевал соседский ротвейлер Дракула. Прожевал и выплюнул.

Раньше, до того, как они завязали, ему бывало плохо только по утрам, сейчас же ему казалось, что вся жизнь превратилась в одно непрерывное утро понедельника.

– Время завязки нужно засчитывать в служебный стаж из расчета день за три, – сказал он Гудронову, наливая полный стакан минеральной воды «Святой источник».

– Лучше день за год, – внес Гудронов поправку. – Надо будет выступить с такой инициативой!.. инициативой!

Ананасов прикрыл глаза, и перед его внутренним взором предстали длинные ряды крепких напитков. Запотевшие бутылки водки, квадратные шкалики украинской горилки, фляжки коньяка тянулись к горизонту бесконечной вереницей.

Он одним глотком выпил минеральную воду, но не почувствовал никакого облегчения.

– Да что ж это такое! – простонал он, открывая глаза. – Может, лучше...

– Нет, Питиримыч, не лучше! – прервал его Гудронов. – Мы же с тобой мужчины, а значит – хозяева своего слова!

– А если я хозяин своего слова, значит, я могу с ним делать, что угодно! – простонал Ананасов. – Могу дать, а могу взять обратно! И сколько раз я тебя просил не называть меня этим старорежимным отчеством! Особенно сейчас! Ты ведь знаешь, что у меня нервы на пределе!

Андрей Питиримович Ананасов ненавидел свое церковнославянское отчество. Правда, в настоящий момент он ненавидел все и всех.

А особенно сильно он ненавидел телефон, который имел подлую привычку то и дело звонить.

– Гудронов слушает, – проговорил его напарник, поднеся трубку к уху. – Так точно, Кузьма Остапович... выезжаем, Кузьма Остапович! Мы уже там, Кузьма Остапович!

– Да погоди ты, Гудронов, не гони лошадей! – сурово сказал начальник. – Ты лучше послушай и вникни! Третьего дня авария случилась возле Никольского рынка.

– Ну? – не слишком вежливо спросил Гудронов.

– Да ты не нукай, а слушай! – рассердился Хохленко. – Водитель не справился с управлением, врезался в столб – насмерть...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.